

ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ...

У.Г. МУТИН

**ЛИЧНАЯ ВОЙНА
МЕХАНИКА ИЛ-4**

Это было на самом деле...

У.Г. Мутин

ЛИЧНАЯ ВОЙНА МЕХАНИКА ИЛ-4

**СТАРЫЙ ОСКОЛ
2012**

УДК 821.161.1.312.6 ББК
84(2 Рос=Рус)6-5 Бел М91

Мутин, У.Г.

М 91 Личная война механика Ил-4 [Текст] / У. Мутин. - Старый
Оскол : Изд-во РОСА, 2012. - 100 с. - Серия «Это было на
самом деле...». Выпуск 1 (3).

ISBN 978-5-903659-89-0

В этих воспоминаниях У.Г. Мутин рассказывает о своей службе механиком Ил-4 в годы Великой Отечественной войны и послевоенное время. Книга адресована всем, кто хочет узнать больше о повседневном труде техников, механиков, мотористов, ковавших вместе со своими экипажами общую Победу.

УДК 821.161.1.312.6
ББК 84(2 Рос=Рус)6-5 Бел

ISBN 978-5-903659-89-0

© Мутин У.Г., текст, 2012
© Изд-во «РОСА», оформление, 2012

*Мотористам, механикам,
техникам, а также служивому народу
батальонов аэродромного
обслуживания и передвижных
ремонтных мастерских
всех боевых соединений
Авиации Дальнего Действия
с низким поклоном*

ВСТУПЛЕНИЕ

Сколько себя помню, отец при каждом удобном случае неоднократно пересказывал эпизоды своей военной молодости. Это были незамысловатые, порой веселые, а иногда и грустные истории из жизни механика бомбардировщика Ил-4 и его товарищей в годы войны и после нее. Вспоминает отец то время охотно, с каким-то неподдельным благоговением. Даже сейчас, на склоне лет, видно, как загораются глаза его при этих воспоминаниях...

Отец мой родился 10 июля 1924 года в глухом селении Башкирии. Нарекли его Валентином, но когда он получал документы об окончании девяти классов, то обнаружил, что он далеко не Валентин, а Усман Гумерович Мутин. По одним документам дед мой по национальности татарин, по другим башкир. Точных данных я не имею. В Первую мировую он служил в царской армии в чине унтер-офицера. А после революции в частях Красной Армии, расположенных на Урале, занимался хозяйственными и призывными делами. Запомнился дед мне интеллигентным и весьма мягким человеком.

А мать отца и моя бабка Ольга Алексеевна, в девичестве Лодыгина, была одной из четырех дочерей первоклассного сапожника из Благовещенска Лодыгина Алексея Родионовича. Одной из сестер моей бабки, Марии, судьбой уготовано было стать матерью Владимира Гуляева, известного советского киноактера. В войну он был летчиком и воевал на штурмовике Ил-2. Владимир Леонидович написал книгу «В воздухе «Илы», в которой повествует от имени лейтенанта Леонида Лодыгина, взяв для псевдонима имя отца, а фамилию матери.

К двум другим ее сестрам, Анне и Таисии, судьба оказалась менее благосклонной. Война у Анны забрала дочь, и судьбе сына Таисии также не позавидуешь.

Моталась Ольга Алексеевна всю жизнь за дедом, Гумером Батырхановичем, а попросту, как все его звали, Георгием Борисовичем, по всей Башкирии в связи с частыми его назначениями на всякие мелкие хозяйственные должности. Работала, вела домашнее хозяйство, растила шестерых детей. Сколько таких семей по Союзу было – не счесть.

Отца моего призвали в армию в августе 41-го. Ему тогда только-

только исполнилось семнадцать лет. А демобилизовали его в марте 50-го уже возмужавшим человеком. Читатель, возможно, спросит:

– Но в армию забирали только с восемнадцати лет?

Я также недоумевал, и отец только пожимал при этом плечами:

– Что тут поделать, война же была.

Однако надо заметить, что отца направили, по сути, в военную школу – в школу военных авиамехаников. Ответ, оказывается, весьма прост: не хочешь учиться в обычной школе – учишься в школе военной! Как читатель в дальнейшем прочтет, отец оставил школу по окончании девятого класса, намереваясь освоить рабочую специальность на одном из заводов Уфы. А в действующую армию он попал, когда ему было восемнадцать лет.

После демобилизации отец направился в село Миндяк, где жили тогда его родители, младшие сестра и три брата. Старшая сестра, Зинаида, была в войну медсестрой. Вытаскивала раненых с поля боя. После ранения была демобилизована. Выйдя замуж, уехала в Крым с мужем.

Отец, окончив водительские курсы, стал работать шофером на местном золотоносном руднике и за баранкой оставался до самой пенсии. В 50-е годы женился на Маргарите Григорьевне Пармановой. Молодые хотели устроить свадьбу, но отца направили на трехмесячную переподготовку по его военной специальности, где все ограничилось обзорным теоретическим курсом о реактивных самолетах того времени. Лишь однажды их вывезли на летное поле и самолеты эти показали издали. А свадьбу они так и не сыграли...

В нашей книжке «Личная война механика Ил-4» не указываются какие-либо точные даты. А людей, встретившихся в повествовании, характеризуют их поступки в контексте тех событий, которые вспомнились отцом. Иногда это поступки с оттенком человеческой порочности, что не в укор этим людям, а во славу их. Это говорит о том, что они были самыми обыкновенными людьми. Как с присущими каждому из нас обычными человеческими изъянами, так и добродетелями от нутра своего. Но в страшное военное лихолетье эти люди объединились с единственной и праведной целью – победить. Победить в самой жестокой войне всех времен и народов. Да и отец особо себя не щадит, повествуя далеко не о героических поступках своих, даже без намека на какие-либо там подвиги.

А подвиг эти люди все же совершили. Он в тени остался и послужил неким фоном этих незамысловатых отцовских историй. Каждый день, на протяжении всей войны, по крупницам эти люди его соверша-

ли трудом своим круглосуточным, невзирая ни на что – ни на погоду, ни на состояние души и тела. Дабы другие, кому судьбой уготовано на краю переднем быть, могли ратные дела и подвиги вершить во благо всем нам.

Я сделал часов двенадцать аудиозаписей бесед с отцом для себя на память, даже не думая переключивать когда-либо эти воспоминания на бумагу. Но когда в Интернете обнаружил книгу «Записки воздушного стрелка-радиста» Жандаева Мукатая Жандаевича, идея написания книги этих воспоминаний меня захватила.

Автор «Записок...» повествует о тех же событиях, что я с детства слышал не раз от отца! Стрелок-радист Жандаев даже якобы летал в экипаже «Ила», механиком которого был мой отец. Но, к сожалению, он так и не вспомнил этого казаха, ставшего впоследствии знаменитым ученым. Да и Жандаев мало что поведал о технарях даже своего «Ила», упомянув вскользь механика по фамилии Понпа, которого отец сразу вспомнил, да еще механика по вооружению Лютикова. Он за сбитый Жандаевым немецкий самолет вывел на фюзеляже его «Ила» красную звезду.

По поводу символики на боевых машинах отец утверждает, что хвостовой номер Ил-4 полкового фотографа был всегда 8, но не 51, как пишет профессор Жандаев. Этот факт неоспорим по той причине, что цифру эту на хвосте он лично выводил и обновлял на протяжении всей службы. И «орел» на фюзеляже его «восьмерки» никогда не красовался. В полку это не было принято. Отец вспоминает, что как-то их полк пополнился новым самолетом с надписью на борту «Еврейский колхозник. Биробиджан». Но летать он почему-то не больно хотел. Постоянно ломался. Надпись закрасили, и все пришло в норму. Это факт и ничто иначе. Тем более что комиссаром 108-го полка был еврей, Яков Абрамович Вдовин, личность весьма уважаемая в полку за душевные качества.

И в тех мемуарах, которые впоследствии я прочел, о технарях упоминалось весьма кратко, и хотя с благодарностью, но как-то порой безыменно.

А вот отдельные рассказы технарей на сайте «Я помню», созданном специально для воспоминаний ветеранов о войне, бальзамом на душу пролились. Содержание разное, а вот суть с отцовскими воспоминаниями перекликалась весьма тесно. И я окончательно убедился в необходимости еще раз поднять тему службы технического персонала авиации в годы войны. А может быть, кто и поддержит и пополнит эту тему?

Да и реплика российского военного историка, белгородского ученого Анатолия Михайловича Сергиенко, самым серьезным образом разрабатывающего тему авиации дальнего действия в период Великой Отечественной войны, побудила меня не отступить от задуманного. Он при первой встрече с легкой досадой сказал:

– Просил я механиков было рассказать мне о службе своей, так они только плечами пожимали. Нечего им рассказывать, оказывается, кроме того, как они под машинами чуть ли не круглосуточно возились. Не то что «летунам».

И все же есть что рассказать. Это словно жизнь, параллельная той, предписанной по техническому регламенту, однообразной и выматывающей физически от постоянных бдений у самолетов и психологически напряженной от ответственности и многочасовых ожиданий своих экипажей.

Однообразной она была потому, что на протяжении всей службы техниками, механиками, мотористами изо дня в день выполнялась одна и та же работа по содержанию своих боевых машин в таком состоянии, которое позволяло использовать их технический потенциал по максимуму при выполнении боевых или учебных полетов. И неважно, улетали ли их «Илы» в глубокий вражеский тыл или поднимались в небо в учебных целях.

А вот про ответственность приведу цитату из воспоминаний механика Ил-2 Усова Валентина Владимировича, которые были опубликованы на сайте «Я помню». Она точно отражает суть ответственности:

«Что самое трудное в работе механика? Самое трудное – это нести полную личную ответственность за самолет. Сейчас ответственность размазана на технико-эксплуатационную часть, а тогда механик головой отвечал за исправность самолета. Ответственность ложилась таким невыносимым грузом, что, по мне, лучше стрелком самому полететь, чем оставаться на земле и ждать возвращения экипажа».

Здесь надо заметить, что ответственность при обслуживании Ил-4 делилась между техником, как старшим и по званию и по должности, и механиком, ему подчиненным.

Я оставил воспоминания отца в том виде, в каком слышал их с детства, лишь упорядочив их в хронологическом порядке и литературно оформив. С тем характерным для него просторечьем, что для меня «дорого да мило», за что и прошу снисхождения у читателя.

А теперь передаю слово отцу.

Сорок первый

СЕНОКОС. 22 ИЮНЯ

За год до войны моего отца перевели на работу в деревню Поляковка, затерянную в лесах Башкирии. Там размещались колхоз и небольшое рудоуправление с маленькой артелью старателей. Мыли золотишко, потихоньку и помаленьку. При рудоуправлении был продснаб, где и начал работать отец.

Друзьями моими стали ребята из колхоза. На лето после школы родители забирали друзей на колхозный сенокос. А мне ничего не оставалось делать, как напрашиваться вместе с ними. Вначале трудился с ребятами, мы выполняли посильную работенку, в основном возили на лошадях копны сена. Но колхозные мужики, видя, что я от работы не отлыниваю, выполняю все безотказно, приняли меня в свой круг. «Пересадили» меня на конные грабли и затем привлекли к метанию стогов. Работа мужицкая и тяжелая. Такая «честь» давала мне право не только выполнять мужицкую работу, но и сидеть в обед вместе с ними за одной общей посудиною и играть по взрослым правилам.

А правила были таковыми. Колхозный авторитет дядя Костя, мужик сухопарый и жилистый, когда все рассаживались по своим местам, давал большой ложкой команды: один стук о посудину – разрешалось хлебать жижу из общей посуды (у баб и ребятишек посудина была своя), два стука – приступай, да не мешкая, к гуще. А гуща не простая – лапша с мясом, которое в колхозе зажиточном класть в еду не скупилась, и обед был сытным и наваристым. Мясо во время сенокоса хранили на длинном, метров в пятнадцать, сосновом шесте, на высоту которого ни одна муха не залетала; поэтому, хотя мясо и подвяливалось на солнце, теряя в цвете, но было в меру свежим. Кашеварил всегда один и тот же старик, по прозвищу «дед Шут». Почему его так звали, я так и не узнал. Готовил он на обед всегда одно и то же. Ну а бабы катали ему лапшу.

Стоило кому-либо нарушить давно заведенные в сенокосную страду правила – зачерпнуть своей ложкой глубже положенного без соответствующей команды или учудить иную проказу, например, развалиться во время еды, как сей грешок непременно замечал дядя Костя. Все продолжали работать ложками, и после того как обед заканчивался, он тут же объявлял нарушителю меру наказания: три, пять или более ложек. Тот молниеносно вскакивал, пытаясь смыться. Но не было случая, чтоб кому-то это удавалось. Нарушителя ловили и валили с ног. Со смехом и криком тащили его к «позорному» столбу, на котором

висела у всех на виду большая деревянная ложка, вырезанная в первый же день сенокоса. Стаскивали с него штаны и производили «эксзекуцию» этой ложкой по мягкому месту в количестве, объявленном за обедом. Я, когда это впервые увидел, стал строжайше следовать всем правилам, боясь подобного наказания. Хотя теперь и понимаю, что порой молодые колхозники специально шалили, чтобы привлечь к себе внимание, хотя и ценой синяков на заднице.

И 22 июня 1941 года в колхозе полным ходом шел сенокос. Приехал бригадир. Собрал людей и объявил о начале войны с Германией. На следующий день ребят и мужиков призывного возраста он увез с собой в Поляковку. Оставшийся народ поохал, повздыхал, бабы поревели, и сенокос продолжился.

Пастухом колхозных лошадей (а в бригадном табуне их насчитывалось порядка ста) был парень призывного возраста. Он успел хорошенько по случаю объявления войны надраться и, заступив в ночное, уснул. И пять лошадей у него разбрелись по лесу. Этим летом у нас в лесах появились на смену серым волкам бурые, которые изрядно «проказничали» в округе. Узнав о пропаже лошадей, колхозный авторитет дядя Костя посадил нас на свободных лошадей и отправил на поиски. За мной и раньше была закреплена маленькая и упитанная лошаденка, очень боявшаяся щекотки, однако довольно умная и шустрая. Когда мне выпадало пасти табун, днем, после ночных бдений, я привязывал вожжами её ногу к своей и засыпал. А когда спал, лошади разбредались кто куда. Проснувшись, я живо вскакивал на свою лошадку, и она быстро собирала их всех в табун, главное, ей не надо было мешать. И теперь она была подо мной.

На поиски за мной увязался братишка моего друга Юрка. Он был на несколько лет младше нас. Он выбрал себе лошадку, ну просто... красавицу. Долго ли мы блуждали по лесу, уже не помню, но, спрыгнув с лошади по малой нужде, я заметил, что и Юрка последовал моему примеру. Не успели мы справить нужду, как Юркина лошадь дала деру. Вместо того чтобы найти пропажу, мы учинили еще одну. А так как моя лошадь не выносила щекотки, то второго седока на себя никогда не допускала, даже лягалась задними копытами. Пришлось Юрке, держа меня за ногу, бежать сбоку моей лошади.

Уже стало темнеть, и тут лошадь почуяла, а мы заметили небольшую стаю преследовавших нас волков. Донеслись характерные пугающие звуки в кустах. Под гривой лошади появилась пена, что далеко не добрый знак. Но что-то случилось с моей строптивой лошаденкой! Она вдруг встала и позволила взобраться на себя Юрке, который уже

начал реветь от страха, еле успевая за мной. Дело пошло веселее. Мы стали громко орать и свистеть, чтобы отпугнуть волков. Лошади мы не мешали, и она сама вывела нас к месту сенокоса. Волки, почуяв дым от костра и людей, отстали. А нам оставалось лишь договориться о причине потери Юркиной лошади. Быстро придумали легенду, по которой якобы выскочивший из-за кустов глухарь напугал Юркину лошадь и она, сбросив его, ускакала. Наконец появились балаганы колхозников, и мы увидели Юркину лошадь, спокойно жующую сено. Необходимость врать отпала, и на душе полегчало.

На следующий день я подошел к бригадиру и сказал, что ухожу в армию.

– Какая армия? – возмутился бригадир. – Тебе еще семнадцати нет!

– Сейчас нет, а через две недели будет! – ответил я, собрал свои скромные пожитки и пешком ушел в Поляковку.

Отца к этому времени уже мобилизовали. Он занимался в районе делами военкомата, собирал призывников по округе и сопровождал до мест призыва.

Поговорив с матерью, мы пришли к общему мнению, что мне необходимо срочно отправиться в Уфу к родной тетке Тае и поискать счастья в городе, устроившись на какой-либо завод учеником по рабочей специальности, которую в дальнейшем и предстояло освоить. О том, что меня могут призвать в армию, мы даже и не подумали. Сборы были быстрыми. В чемоданчик уложили мой выпускной костюм (как-никак, я весной закончил девять классов), разное там бельишко и пачку конвертов, заранее купленных матерью по случаю того, что я собирался этим летом отправиться в славный город Астрахань на учебу в речное училище. Почему-то мне очень хотелось стать именно речным штурманом и ходить по Волге. Я даже колхозных ребят подговаривал поехать со мной и стать речниками. Но судьба распорядилась иначе.

УФА. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ФРЕЗЕРОВЩИК

Тетя Тая встретила меня как родного, посоветовав обязательно устроиться на недавно запущенный моторный завод, на котором имелись хорошие перспективы и по работе, и по возможности получить место в заводском общежитии. Утром я отправился в отдел кадров и обнаружил большущую очередь. Молодежь, мужики, женщины... ловили удачу... Из большого списка рабочих вакансий мне очень понравилось название одной профессии – фрезеровщик. Правда, я

тогда не имел ни малейшего представления об этой профессии. Но само слово – фрезеровщик – навевало на меня нечто романтическое и казалось достойным внимания.

Лишь к вечеру я пробился к окошку кадровика. Поведал о своем желании устроиться учеником фрезеровщика. Кадровик обнадежил, что это вполне выполнимо, но потребовал домовую книгу с пропиской в городе Уфа. Узнав, что у меня таковой нет, посоветовал с этим не затягивать и приходиться завтра. Вернувшись вечером на ночевку к тетке, я рассказал о моей проблеме. Утром тетя, снабдив меня доменной книгой, направила в нужную контору. И после оформления прописки мне тут же вручили повестку в Кировский райвоенкомат, в которой указывалось явиться на завтра к 8-00 на медкомиссию.

На завод я уже не пошел. 8 августа прошел комиссию и был признан годным к службе с летно-подъемным уклоном. После чего была вручена очередная повестка с предписанием прибыть на следующий день к 9-00 на призывной пункт для прохождения военной службы, имея с собой продовольственный паек на три дня. Меня это несколько не огорчило. В те довоенные времена служба в Красной Армии была почетной обязанностью. И это вбивалось в наши светлые головы на протяжении всех школьных лет.

Тетя со слезами проводила меня до калитки своего дома. Явился к назначенному часу на призывной пункт. Нас сразу отделили от провожающих высоким металлическим кованым забором. По ту сторону забора люд провожающий гудит, плачет и смеется, ест и пьет, поет и опять умолкает, чтоб повторить все заново. По другую сторону забора мы, наголо стриженные пацаны, но среди нас и взрослые были. Стоят ребята, переминаются с ноги на ногу, о чем-то говорят потихому, оглядываются на родню за забором. Ждут...

Мне было проще. Меня никто не провожал. Я скромно сидел на своем чемоданчике и просто наблюдал за происходящим. Понимал ли я, что случилось и что ждет каждого из нас? Нет, конечно...

Наконец, уже ближе к полуночи, нас построили. Сделали переключку. Выстроили в колонну. Впереди офицеры военкомата, сзади – вооруженные солдаты-конвоиры. Пошагали. Оказалось на железнодорожный вокзал. Паровоз, впряженный в состав, уже был на парах. Погрузились в вагоны, и нас закрыли снаружи. Куда едем, никто нам не говорил. А утром 9 августа прибыли в город Челябинск. Там нас всех распределили, и я оказался с небольшой группой ребят в Челябинской военной школе авиамехаников.

Челябинская военная школа авиамехаников

НАЧАЛО УЧЕБЫ

Прошло достаточно много времени, и я не помню многих деталей, но мне кажется, что Челябинская военная школа авиамехаников располагалась где-то на окраине города. Но я точно знаю, что казармы, где нас в дальнейшем и разместили, это бывшие николаевские казармы, кирпичные длинные двухэтажные здания. А рядом стоящая обычная школа, единственное высокое трехэтажное здание в округе, была отдана в распоряжение военной школы авиамехаников. Но занятия, как правило, проводились не в ней, а в больших, холодных деревянных сараях, которые имели конкретные предметные назначения (моторный, оружейный, медницкий и т.д.) и находились на территории военной школы, обнесенной высоким забором. Только класс по приборам и электрооборудованию располагался в самом здании школы и являлся единственным, наверное, помещением, которое отапливалось в должной мере. Во дворе стояли в качестве учебных экспонатов четыре бомбардировщика СБ-2 и при них охранный пункт, а попросту землянка, в которой мы и тренировались нести охранную службу по установленному командирами графику.

Нас разместили в палатках, которые мы сами и устанавливали прямо над длинной траншеей, выкопанной кем-то для хранения овощей. Траншея была уже заполнена соломой, и она то и послужила нам вместо кроватей. В это время в школе выпускались авиатехники, которые отучились уже два с половиной года.

Занятия пока не проводились. Через неделю, ночью, мы даже и не уследили как, молодые офицеры покинули расположение военной школы и освободили нам свои места в казарме. Рано утром мы встали с соломы по команде «подъем». Было велено забрать свои вещи и построиться. Строем мы направились в казарму. Там обнаружили нары. Причем на них было расстелено по два матраца, но спать на них нас определили по трою. Видать, на всех ни матрацев, ни одеял не хватало, и эти неудобства приняли как должное.

Затем строем нас повели в городскую баню, находившуюся на расстоянии нескольких кварталов. Холодный пар, еле теплая вода, хозяйственное мыло. После принятия водных процедур нам выдали обмундирование: нательное белье, хлопчатобумажные гимнастерки и галифе, портянки и голубые обмотки, белые лосевые (я так и не понял значение этого слова – «лосевые») ботинки, правда не по размеру.

Все это было влажным и не новым. Сразу обучили, как наматывать на ноги портянки и обмотки. Гражданские вещи приказали аккуратно свернуть и взять с собой. По прибытии в казарму велено было на листке бумаги четко вывести домашний адрес и наклеить его на то, в чем хранились у каждого гражданские вещи. Я наклеил на свой чемоданчик. Все гражданское у нас забрали и куда-то увезли. Только после войны, когда я наконец-то вернулся к родителям, я узнал, что в круговерти, учиненной войной, мой чемоданчик был благополучно доставлен в Поляковку и получен матерью. Все вещи были в целости и сохранности.

С этого времени и началась наша шестимесячная учеба на авиамехаников.

Нас разбили на классные отделения. Я попал в седьмую роту, в 76-е классное отделение, которое насчитывало 33 курсанта. Командиром отделения стал курсант Скопин. Парень сильно картавил и был не в меру вертлявым. Старшиной отделения назначили курсанта Долгих, с вечно красными глазами, властолюбивого и стремящегося непременно сделать военную карьеру. В этом рвении он изрядно насолил курсантам, и ребята его очень невзлюбили. Перед отправкой в Москву на распределение в действующие части особо обиженные даже обещали его скинуть с поезда, если тот вздумает ехать вместе с ними. Он этому внял и отсиживался во время пути в Москву в санитарных вагонах, прицепленных к нашему составу.

Учились мы шесть дней в неделю, а в воскресенье, после завтрака, одну часть курсантов отправляли на разгрузку железнодорожных составов, а другую – на прием этих же грузов на месте назначения. В то лихое время переброска с запада на восток целых заводов была привычным делом. А Челябинску сам бог велел принять сие бремя военного лихолетья.

Кормили нас три раза в день, но весьма умеренно. Однако мы втянулись в этот режим, привыкли и к ощущению вечно сосущего в животе. Те из нас, которые на физподготовке первоначально выполняли предъявляемые требования на «пять», к концу учебы кое-как натягивали на «тройку».

ПЕРВЫЙ НАРЯД

В столовой каждый стол рассчитан был на шестнадцать человек. Ставили на стол две кастрюли с едой, и дежурный по столу, меняющийся каждый день, разливал или раскладывал еду по тарелкам. Режим приема еды был жестким: занять места, сесть, начать прием пищи, встать, покинуть помещение. На все про все отводилось весьма мало времени, а посему будешь мешкать – останешься голодным.

Мы расселись и начали есть. Я вижу, что один курсант мечется от стола к столу, и ему нигде нет места. Поворачиваюсь и вижу, что за отдельным столом расселся курсант Долгих, назначенный старшиной, и жрет прямо из кастрюли. Что со мной случилось – я, кажется, потерял над собой контроль. Соскочив с места, я высказал все, что думаю о нем, не щадя своих голосовых связок и ушей товарищей. Пришлось Долгих посадить нерасторопного курсанта к себе за стол и разделить с ним нехитрую солдатскую еду. Но уже после ужина этот горе-старшина выстроил нас в казарме и, приказав мне выйти из строя, объявил мне наряд вне очереди за пререкания со старшими по должности и прочее недостойное поведение во время приема еды.

А наряд заключался в следующем. Наша казарма находилась на первом этаже. На обоих торцах здания располагались лестничные клетки. У одной был пост дневальных, а у противоположной находилась умывальная комната. Причем дневальный не мог видеть, что делается на противоположном конце коридора. На втором этаже по обе стороны длинного коридора были разного рода комнаты и помещения, назначения которых я не знал. И вот этот коридор, полы которого были цементными с вкраплением мраморной крошки, мне и предстояло привести в порядок. Была глубокая осень, и грязь с сапог служивого народа стала уже наслаиваться на полу коридора. Долгих выдал мне ведро и половину портянки. Воду, а она была только холодной, брать велено было из умывальной комнаты, в углу которой я потом обнаружил веник, типа метлы без черенка. Старшина ушел, и я приступил к работе. Дело продвигалось медленно, полпортянки явно не хватало.

И мне пришла искрометная мысль: а что если выливать воду из ведра и пол драить веником, как раз попавшимся мне на глаза, когда я в очередной раз менял воду. Попробовал. Дело быстро сдвинулось с мертвой точки. Пол заблестел, вода моментом куда-то исчезала, а я только и делал, что бегал вниз за водой, выливал ее на пол и сметал грязь веником. Видя, что дела пошли в гору, я подумал: «А не спе-

шу ли я?» Растянув немного удовольствие, наконец, закончил работу. Явился Долгих. Прошелся в грязных сапогах туда-сюда. Наследил опять изрядно, что-то хмыкнул себе под нос и исчез. Я быстренько за ним подтер. И в этот момент протрубили отбой.

Я уже засыпал, отрешившись от праведных дел своих, когда услышал возмущенный голос нашего командира батальона Степанова. Он орал на втором этаже в не свойственной русскому человеку манере (по национальности он был то ли татарин то ли башкир, я этого не ведал):

– Вай, вай!!! Шайтан! Кто моя кабинета вода налил? Дневальные, приходи быстро сюда!

От этих возгласов у меня сердце остановилась. Только тут я допер, куда вода девалась! Я же столько ведер воды на пол вылил, что сам со счета сбился! Я в то время одного боялся – ославиться в деревне, где жили мои родители, братья и сестры, колхозники, у которых я снискал уважение.

Меня даже не пугала перспектива оказаться среди «штрафников», как мы их окрестили, по соседней казарме. Из них готовили лыжников-десантников. Это были далеко не молодые люди. Они каждую зимнюю ночь, невзирая на погоду, уходили на лыжах в белых маскхалатах в беспроглядную темень. Назад появлялись только под утро.

Сейчас, думаю, разберутся, кто полы мыл и водой кабинет лейтенанта Степанова залил. Напишут письмо в деревню председателю колхоза и ославят меня на всю Поляковку. Такого позора я бы, наверное, не вынес. Но к моему счастью, как я мыл полы, никто не видел, как я воду без конца на второй этаж носил, дневальные также не видели, а горе-старшина Долгих на ночь умотал в город, наверное, увольнительную выпросил. Воду «выкачивали» все дневальные, и заступившие на пост, и те, которые были сменены к этому времени. Заливал я один, а вычерпывали уже шестеро. Это сейчас весело вспоминать, а тогда я струхнул не на шутку.

Как-то в начале учебы получил письмо от матери. Она писала, что они с отцом специально приезжали в Челябинск, чтобы навестить меня. Но во встрече со мной им почему-то отказали, и они ни с чем вернулись домой. А ближе к зиме 41-го родители опять приехали, и нам дали, чтобы повидаться, только пять минут. Вспоминаешь сейчас и думаешь, к чему такие сложности учинять было простым людям, ну пообщались бы мы минут на десять дольше, что плохого случилось бы? И родителям спокойней, да и мне легче служилось бы. Те же пять минут мне выделили и для встречи с одноклассниками, которые при-

ехали специально из Поляковки в Челябинск, чтобы повидаться со мной. Один я из нашего класса в тот сорок первый оставил учебу, а ребятам дали возможность закончить десятилетку даже невзирая на сложные первый и второй год войны.

ПЕРВЫЕ УЧЕБНЫЕ СТРЕЛЬБЫ

Пришло время, и нас вывезли на стрельбы, которые устраивались километрах в семи от нашей школы на танкодроме. Суть стрельб состояла в том, чтобы из винтовки попасть по движущейся мишени, которую переносил на древке солдат, перемещаясь по траншее. Выдавалось по три патрона. Кто-то стрелял метко, кто-то не очень. Подошла и моя очередь. Я оказался первым, кто все три пули отправил «за молоком».

Старший лейтенант Соколов, прихрамывающий на одну ногу из-за ранения, полученного в финскую войну, был нашим ротным. Он эти стрельбы и проводил. За такую меткость он разошелся не на шутку, воспитывая нерадивого стрелка. Кричал в лицо, захлебываясь нравоучениями:

– Да ты знаешь, сколько стоит каждый патрон? Ребятишки голодные за станками сутками стоят, чтоб таких, как ты, стрельбе обучить, а ты, такой сякой, их труд за молоком посылаешь! Какой ты после этого боец!? Вон с моих глаз!

Ну я и спрятался за соседний бугорочек от рассвирепевшего ротного. Сижу жду своей незавидной участи. Тут оказывается, что из таких горе-снайперов не один только я. Всех их ротный заставил попластунски ползать, кроме меня, так как мне было приказано исчезнуть с глаз долой, и приказ этот я буквально понял и, главное, молниеносно выполнил.

Но, видать, не полагалось стрельбы «неудом» заканчивать. Построил ротный нас, неудачников, внушение опять сделал и еще по три патрона каждому выдал. Опять я стрелял первым. В этот раз все три пули в мишень попали. Тут у старшего лейтенанта вообще крышу снесло:

– Ах ты, вредитель! Да ты это нарочно в первый раз промахнулся! Да я тебя за такое... – но не закончил, а лишь кулаком погрозил.

Честно, мне тогда не по себе стало. Какой я вредитель? В школьные годы из мелкашки по крысам наудачу только и стрелял, которые обитали в погребке, а тут боевую винтовку доверили. Да и само слово «вредитель» с детства навеивало тревожные воспоминания. Отец

как-то на празднике с мужиками поспорил и что-то сгоряча ляпнул. Мамка всегда с тех пор наготове узелок для отца держала, а ночи для нас тревожными стали. Но пронесло. Всех тех, кто на «отлично» отстрелял, на автобус посадили и в казармы повезли. А мне, хоть я и в отличники как будто выбился, пришлось пешком топтать вместе с неудачниками.

УЧЕБНЫЕ БУДНИ

У меня не было особых трудностей с учебой. Не все наши преподаватели являлись прирожденными педагогами. Некоторые из них держались за свои места, дабы не попасть на фронт. Но среди преподавателей были и те, которых уже «списали» из-за увечий, полученных в боевых стычках предвоенных лет. И держали их в силу приобретенного ими боевого опыта, практических знаний, да и, наверное, потому, что кроме армии у них за душой ничего больше и не было.

Начитывали нам материал, мы в силу своих способностей старались записывать все под диктовку. Урок, как правило, длился три дня и назывался выходом. По итогам его, по принципу «кто под руку подвернется», выставлялась нам та или иная оценка.

Нас готовили на авиамехаников Пе-2. Но изучали мы эту легендарную машину по плакатам, которые поступали в школу с опозданием и не в полном объеме. А основным наглядным экспонатом был тихоход СБ-2, который мы на практических занятиях излазили вдоль и поперек. Если одно отделение что-либо разбирало на нем, то следующее за ним по расписанию это же собирало. Так и учились.

У нас в классном отделении был курсант Ленька Асгихин. Из блатных. Руки в брюки, походочка вразвалочку, осанка знаком вопроса, характерная манера говорить. Если мы прибыли в школу как-то одетыми, то Ленька был экипирован по-легкому: в белую, не первой свежести рубашку, в штаны, а на босых ногах сандалии. Ночами, когда пришлось неделю спать на соломе в палатках, он обычно под когото подлезал, стаскивал с него то, чем тот был укрыт (обычно это был пиджак или куртка), и спал дальше как ни в чем не бывало, пока кража не обнаруживалась.

Я как-то с ним разочек сцепился, когда он на практических занятиях в медницком сарае вырвал из моих рук за рукоять шабер, приняв за свой. Вижу, что моя ладонь, в которой только что был инструмент, наполняется кровью. Я не раздумывая с размаху ею же отвесил Леньке

оплеуху. Тот аж отлетел. Благо преподавателя рядом не было. Разворачиваюсь и быстрее в медпункт. Вот, говорю, невзначай поранился, перебинтуйте. Медсестра обработала рану, наложила повязку. Я вернулся за свой верстак. Вижу – Ленька притих, глазенки бегают. Наверное, подумал, что я пошел его сдавать. А я продолжил выполнять свое задание. А через несколько дней Ленька, как всегда, получив наряд вне очереди, был послан ночью за хлебом в город. Прибыв в кузове полуторки на территорию школы, несколько буханок сбросил в снег. Надо представить, как под одеяло, когда ты спишь, тебе подсовывают ледяную буханку хлеба! А спали-то мы нагишом! Спасибо тебе, Ленька! Сожрал я твою буханку той же ночью.

Так вот, этот Ленька Асгихин попадается как-то в учебное время на глаза начальнику школы, полковнику Тюмину. Выяснив, кто такой и где должен быть в это время, полковник приводит его в классное отделение. Мы, как положено, приветствуем начальника школы. Преподаватель докладывает тему занятия и освобождает начальнику школы свое место.

Присев на стул и подумав, полковник задает Леньке каверзный вопрос. Точную формулировку его я уже не помню, но смысл такой: как, не прибегая к существенным демонтажным работам, устранить в полевых условиях аэродрома некую неисправность в двигателе от попадания снаряда. Ленька стоит как баран, даже не пытается сказать что-либо. Полковник, обращаясь к нему:

– Как думаешь, кто может ответить?

Ленька не задумываясь указывает на меня. «Вот гад!» – только и пронеслось у меня в голове.

– Кто такой?

– Курсант Мутин, – отвечаю.

– Ну, курсант Мутин, ответить сможете? – спрашивает начшколы.

– Товарищ полковник, разрешите подумать.

– Разрешаю.

Я сосредоточился и сумел четко представить «механику» устранения предложенной полковником неисправности. Решение пришло как-то само собой, и я ответил, что, мол, сделал бы то-то и то-то и так-то и так-то. Полковник внимательно посмотрел на меня, взял со стола ручку, обмакнул перо в чернильницу и в журнале напротив моей фамилии, в графе «за весь выход» вывел большую и жирную пятерку. Молча встал и покинул место занятия. Видать, оценил не столько мои знания, а сколько потуги преподавателя. Мол, не зря тот ест преподавательский хлеб, учит на совесть. У меня отлегло, но я потом неоднократно

думал, как у меня, простого деревенского парня, постоянно менявшегося школы, сообразила в тот момент голова? Видать, на роду мне было написано всю жизнь возиться с механизмами, что и случилось.

Зимой в школу прибыл майор (фамилию, к сожалению, забыл) лет тридцати, с беременной женой, на смену куда-то девшегося предыдущего замначальника школы по строевой части. Кажется, он был из Новосибирска, точно уже и не вспомнить. Но до его прибытия слава о нем уже до нас долетела как о «железном Феликсе», не в меру строгим и весьма требовательным офицере.

В день прибытия майора наше классное отделение было в наряде. А дневальным по казарме командир отделения Скопин назначил курсанта Киселева. Парень весьма сильно заикался и умолял Скопина не делать этого, так как осознавал свою беспомощность при докладе новому замначальника по строевой части о положении дел в отделении. Но Скопин был неумолим. Так оно и случилось.

Майор со свитой возник перед Киселевым неожиданно. Тот вытянулся по струнке, отдал честь, стал докладывать. Но видя, что у него ничего не получается, зло махнул рукой, выматерился, уже не заикаясь, и кое-как из себя выдавил, что, мол, просил комотделения Скопина не назначать его в этот день дневальным.

– А где сам Скопин? – спросил строго майор.

– Да спит, вон таммм, ввы-дее-жжур-ке.

– Приведите его сюда! – зло скомандовал майор.

Киселев моментом исчез и так же быстро вернулся, но уже с очумелым Скопиным.

– Неделю, Скопин, у меня будешь здесь дневалить, но чтоб Киселева больше не трогал! Все понял?

– Так точно, товарищ майорл! – прокартавил в ответ Скопин.

А часа через два прибежал кто-то из офицеров, отобрал четырех курсантов, в том числе меня, и направил нас в распоряжение прибывшего майора.

– Товарищи курсанты! Ставлю перед вами задачу. Сейчас на машине отправимся на вокзал и перевезем мои вещи. Если справитесь должным образом, каждому выдам по пачке махорки!

Мы к погрузо-разгрузочным работам к тому времени уже привыкли. Сели в кузов полторки, приехали на вокзал, загрузили какую-то нехитрую мебель и утварь майора под его бдительным оком и отправились назад, в расположение школы. Но, не доезжая метров сто до ворот, майор останавливает машину, выходит и приказывает осмотреть вещи в кузове на предмет их полной сохранности. Быстро обна-

руживает, что у чайника не оказывается крышки. Гневно приказывает нам разделиться по двое и осмотреть обочину дороги до ближайшего перекрестка. А это метров пятьсот.

Ну что тут делать? Побежали выполнять. За перекрестком завернули, отдышались. Кто-то сказал:

– Ну, братцы, не видать нам обещанной махорки, майор нас надул. Видать, он эту крышку заранее уже заныкал.

Вернулись, доложили, что крышку не нашли. Майор велел садиться в машину. А когда разгружали, то крышка лежала на дне кузова, как ни в чем не бывало. Правда, и махорки мы, конечно, от майора не получили.

А как-то дневальный отвесил сальный комплимент в отношении «интересного положения» телефонистки, даже не догадываясь о том, что она жена замначальника школы по строевой части. Женщина пожаловалась мужу, и незадачливый дневальный вскоре предстал перед майором.

– Курсант, вы не только оскорбили женщину, но и оскорбили мою жену. Идите и извинитесь!

Курсанту ничего не оставалось, как идти и извиняться. Но после этого майор не стал чинить никаких козней против этого курсанта.

Отношения между офицерами и преподавателями, с одной стороны и нами, курсантами, с другой, были чисто формальными. Каждый выполнял свою задачу. Одни учили и командовали, другие учились и учились подчиняться. А духовность мы черпали в своей курсантской среде на основе того, что было нами приобретено до войны.

ЭКЗАМЕНЫ

Время шло, и вот наступила пора сдачи экзаменов. Из Москвы прибыла комиссия. Подполковники и полковники. Они и принимали у нас экзамены.

Из всех запомнились лишь два экзамена. По приборам и электрооборудованию, как помню, мне выпало отвечать на вопрос о динамо-машине. Стою спиной к классу, вожу по плакату указкой, отвечаю. В классе – гробовая тишина. Только слышу похрапывание. Поворачиваюсь. Наш преподаватель, старший лейтенант Постнова, единственная женщина-преподаватель в школе, грозно сводит брови к переносице и подносит палец к губам, молчи мол! Стою не дыша. Полковник от тишины мгновенно очухался: «Да... что? Повторите!» Я заново все рассказываю, но вновь наступает гробовая тишина. Поворачиваюсь.

Та же безмолвная команда старшего лейтенанта Постновой. Полковник моментом просыпается. Ему, наверное, хватило этих нескольких мгновений глубокого сна, чтобы окончательно прийти в себя. Видать, вымотался мужик изрядно. Он начал задавать мне разные дополнительные вопросы по приборам. Я предмет знал и преподавателя не подвел. Отвечал по делу и, наконец, увидел, как полковник ставит мне в экзаменационной ведомости пятерку.

А на экзамене по материаловедению, предмету нудному, с кучей точных сведений и прочих «неудобств» при изучении и запоминании, случилось следующее. Более подготовленные курсанты сели на задний ряд, а слабачки спереди. Произнося вслух вопрос, курсант подавал заранее оговоренный знак, либо хмыкал, либо кашлял, либо еще как-то, но мы уже догадывались, в чем у него проблема, и быстро соображали подобие шпаргалки. Рядом со мной сидел курсант Киселев. На прочитанный курсантом вопрос он стал от меня допытываться, как на него ответить. Я огрызнулся: «Помолчи, не тебе же отвечать!»

Эту перебранку заметил наш преподаватель капитан Костин. Он ни одной фамилии курсанта за шесть месяцев учебы так и не запомнил. И на этот раз:

– Встать! Как фамилия?

– Курсант Мутин, товарищ капитан.

– Ты мне полгода воду мутил, отвечать у меня будешь!

Ну, Киселев, подвел ты меня под монастырь! Как теперь выкручиваться? Вижу, что капитан куда-то вышел, а один из полковников в этот момент уже ставит отметку ответившему курсанту. Не мешкая подскакиваю к полковнику:

– Товарищ полковник, разрешите взять билет?

Удивленно:

– Берите!

Беру билет и тут же:

– Разрешите отвечать?

– Так вы еще его не прочли!

– Я так попробую.

Слава богу, вопросы хотя и не из легких, но я их знал. Ответил. Никаких дополнительных вопросов полковник задавать не стал, видать, не усомнился в моем знании данного предмета. Вижу, ставит в ведомости пятерку.

По окончании ответа курсант опять должен был вернуться на свое место. Но тут же, чтобы не попадаться больше на глаза капитану, я спросил у полковника тихонько:

– Товарищ полковник, можно мне в туалет?

– Идите, – удивленно ответил полковник, наконец догадываясь о причинах такой прыти шустрого курсанта.

Хотя по коридору и барражировал дежурный офицер для поддержания порядка во время сдачи экзаменов, но я удачно от него улизнул. Спрятался в туалете и уже из него не высовывался до полной сдачи экзамена нашим классным отделением.

СТАЖИРОВКА

Прошли экзамены. Нам всем присвоили сержантов, но в действующую отправлять почему-то не спешили. Занимались разного рода хозяйственной работой при школе. А в разгар мая 42-го наше классное отделение было направлено на стажировку под Свердловск, где располагался аэродром подскока, который в тот момент был придан эвакуированной академии имени Жуковского.

Привез нас в академию, а попросту на ее летное поле, старший лейтенант еще утром и приказал дожидаться его у шлагбаума на пропускном пункте. Солнце стало палить нещадно, хотя был май, напиться было негде, не то чтоб что-то там пожрать. Сидим ждем, а лейтенант о нас вспомнил лишь под вечер. Повел сразу в столовую, располагающуюся в большой землянке. Встретила нас, ошарашенная от столь позднего и нежданного визита, легендарная бабуся. Она в свое время потчевала не менее легендарных папанинцев, за что и была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

– Чем же я вас, соколики, кормить-то буду? – сокрушалась пожилая женщина. – Вот, у меня только пшенная каша и осталась!

– Давай, бабушка, пшенную кашу! – обрадовано загалдели мы, целый день ничего во рту не державшие.

Бабуся не пожалела, обильно приправила ее маслом и... перестаралась. Я к утру соскочил со своего лежака от сильнейшего желания немедленно посетить отхожее место. Кое-как добежал до уборной, но когда спешил, то заметил, что многие из нас так и не донесли то, от чего так спешили избавиться, до места назначения. А утром, под издевательские смешки «аборигенов» аэродрома, пришлось нам наводить порядок вдоль пути от большой землянки, в которой нас поселили, до места, куда и цари пешком ходят.

Так началась наша стажировка. Меня определили на первые десять дней в «подмастерья» к технику на «Мессершмитт Me-110». Затем к

технику бомбардировщика «Дорнье Do-217», Последним был транспортник «Дуглас Си-47».

На этом аэродроме располагался весь летный арсенал академии, собранный со всего мира. Иностранная техника была в родной экипировке, например, «немцы» с крестами и со свастикой, «американцы» со своей белой звездой с полосами и т.д. Был там и деревянный самолетик Долорес Ибаррури, который, как нам рассказали «аборигены», товарищ Сталин ненароком обменял у нее на отечественный. Он был двухмоторным, с фюзеляжем из перкаля, выкрашенного в зеленоватый цвет. Но что поразило меня, так это то, что материал фюзеляжа крепился на его каркас молниями, как одежда какая-то.

В это время полным ходом шла доводка истребителя Як-7Д, который должен был наконец-то по скорости и прочим параметрам превзойти Me-110. Работа кипела. Конструкторы, инженеры и прочие спецы не покидали аэродром. Испытания прошли успешно и результат был достигнут. Но... необходим был еще и пропагандистский эффект. В действующих частях требовалось поднять боевой дух путем демонстрации кино с сюжетом, как наш ас на Як-7Д расправляется с Me-110. К моему «Мессершмитту» были прикреплены две увесистые дымовые шашки. Летчики подняли свои «як» и «мессер» и разыграли потешный бой. Киномеханик крутил свой аппарат, снимая кино с земли. Но когда была дана режиссером команда, запалить шашки, эффекта не оказалось. Слишком большая скорость была у извивающихся в небе машин, и необходимого дыма от «горящего мессера» просто не случилось.

На следующий день попытку повторили, но вместо дымовых шашек мы к «мессеру» прикрепили два здоровенных фанерных куля с сажей, привезенных откуда-то. Протащили в кабину летчика тросик для открытия заслонок в кулях и отправили «немца» в небо на неминуемую его «погибель». Спектакль был разыгран как по нотам: после серии пилотажных фортелей летчик «Мессершмитта», дернув за тросик, учинил за собой шлейф черного дыма, пикернув при этом за опушку леса, за которой рванули заранее приготовленные бочки с горючим. Но когда оба летчика вылезли из своих машин на твердую землю, встречающие их люди попадали от смеха. Взлетали летчики европеоидной расы, а приземлились сущими неграми. Только глаза да зубы блестели на измазанных сажей, довольно улыбающихся физиономиях. После этого славного спектакля мы несколько дней драили от сажи наши машины.

Что касается «Дорнье Do-217», то вспомнить особо ничего не могу. Только то, что летала на нем летчица Ольга Васильевна Ковалева. Это

была женщина уже немолодая, с сединой в волосах, весьма энергичная и по характеру требовательная. Скорее всего, на этом «Do-217» проводились какие-то исследования на предмет грузоподъемных возможностей данной машины. И мы часто загружали этот самолет каким-то однообразным грузом, но в разном количестве по весу.

А вот на «Дуглас Си-47» случилось нечто, что дало мне возможность прочувствовать на собственной шкуре, как волосы встают дыбом на голове. Мой товарищ из нашего отделения, с которым мы попали потом в 42-й авиаполк дальнего действия, по фамилии Ватолин (имени его, к сожалению, не помню) попросил показать ему «Дуглас Си-47». Помню только то, что мы уселись в кресла летчиков и я что-то там рассказывал про приборы. А затем достал ракетницу – вот, смотри, дескать, что тут имеется, взвел курок и направил ее на товарища с желанием непременно на него нажать. Но в последний момент почему-то просто переломил ракетницу и... обомлел. О, мама родная! В стволе была... ракета! От ужаса, что могло бы быть секундами раньше, у меня волосы на голове встали дыбом. Нас обоих из кабины как языком слизало. Опомнились только тогда, когда были в нескольких десятках метрах от самолета и по разные стороны от него. Я хоть неверующий, но мой ангел-хранитель по жизни неоднократно меня порой «за уши» из разных переделок вытаскивал. Вот и думай, есть ли Бог на свете или это только сказки?

У меня была возможность совершить перелет на Си-47 в составе экипажа до Москвы и обратно. К этому времени дети работников академии закончили учебу в школах Свердловска и отправлялись в Москву на каникулы. Но не судьба: я поздно обратился с данной просьбой к командиру экипажа. Он только мне посочувствовал, так как полетные документы уже были оформлены, а переоформлять их – затея не из легких.

На аэродроме был единственный ангар. В нем стоял особый самолет. Как нам рассказали «аборигены», при испытании в момент приземления у него сломались стойки шасси и он сел на «брюхо». Пилотировал его летчик-испытатель, по национальности грузин. Самолет этот был из первых реактивных. И приближаться к ангару нам было строго-настрого запрещено. Во время нашей стажировки полетов на этой технике не производилось.

По окончании стажировки мы вернулись в Челябинскую военную школу авиамехаников. Между хозяйственными работами, которые для нас уже стали обыденным занятием, нас начали знакомить по плакатам с Ил-2.

Но наступила осень, а с ней и первые заморозки. Мы копали очередную траншею для хранения картофеля, который сами же накануне и собрали. Уже начинало смеркаться, а нам оставалось докопать каких-то полметра. Я предложил двум своим товарищам остаться и докопать, иначе утром пришлось бы долбить замерзший грунт ломом. Мы и остались. Рядом был водоем с заросшими камышом берегами. Вода в нем уже покрылась тонким льдом, и мы увидели, как одинокая дикая утка пытается «приводниться» на этот лед. Один из нас, а это был сержант Латыпов, быстро шмыгнул в заросли сухого камыша и стал крякать по-утиному. У него это получалось очень естественно. Видать, он рос в семье бывалого охотника. Утка, услышав соплеменницу, подпрыгивая по льду, направилась к камышам. И только чуть взлетела, как была сбита ударом руки проворного охотника. Запутавшись в камышах, наконец, была поймана. Утка, подраненная на одно крыло, ожирела на привольных кормах и улететь на зиму уже не смогла. Зато послужила отменным ужином для молодых сержантов. Мы ее приготовили с картошкой, которую припрятали при сборе.

Про наш неожиданный ужин потом узнал один офицер. Он сильно и искренне сокрушался по поводу, что не был приглашен к трапезе. Ну что тут поделать, как говорят в нынешнее время - кто раньше встал, того и тапочки...

В действующую часть

НА ПУТИ В МОСКВУ

В конце ноября 42-го нам приказали сдать все постельное и казенное. В вещмешках у нас остались лишь конспекты и кое-что для личной гигиены. Ни сменного белья, ни дополнительных портянок, видать, нам не полагалось. Затем нам выдали сухой паек из буханки хлеба, одной селедки и небольшого количества сахара. Подъемных каждому было отпущено по тридцать рублей, что соответствовало месячному денежному довольствию курсанта. Было сообщено, что в ближайшие часы нас отправят в Москву на распределение в действующие части. И мы остаток дня прождали дальнейших указаний, лежа на голых нарах. А так как кормить нас в этот день, не собирались, то некоторые ребята навалились на сухой паек, а то и просто проиграли его в карты. Вот она, городская беспечность! Если бы они знали, что придется целый месяц добираться до Москвы впроголодь, вряд ли они так легко бы расстались даже с таким скудным запасом. Я парень деревенский, паёк оставил на потом, а деньги запрятал поглубже. Они в Москве нам сильно пригодились.

Ближе к вечеру нас вывели из казармы, построили и пешим ходом отправили на железнодорожный вокзал Челябинска. Прибыли. Была дана команда на благоустройство вагона-телятника. Молодые сержанты бросились добывать материал для нар, а попросту растащили уже кому-то или кем-то подготовленный вагон. Где-то, мягко говоря, тяпнули железную печку. Запаслись углем и дровами. Уголь и дрова мы воровали при каждом удобном случае. В благоустроенном таким образом вагоне разместилось наше классное отделение. А до Москвы добирались целых тридцать суток какими-то северными путями, чтобы не мешать основному потоку грузов. На протяжении всего пути буквально считанное количество раз дополнительно выдавался сухой паек, в который входили буханка хлеба, брикет горохового концентрата, селедка и некоторое количество сахара. На всех нас были один котелок, одна большая пустая консервная банка, эмалированная кружка и глиняный горшок, который в конце концов и сгинул в котле паровоза. Каждый знал свою очередь воспользоваться данной посудой, независимо от времени суток. Воду мы брали из паровоза, либо своего, либо стоящего рядом. Иногда на стоянках кому-то из нас фартило съесть небольшой горшок баланды из отрубей, который стоил неизменно на протяжении всего пути один рубль. С этим мне повезло только один

раз. Но и другим везло не чаще, так как состав наш либо не дотягивали до вокзала, либо далеко протягивали. Если изголодавшиеся сержантики добирались до привокзального буфета, сметалось буквально все! Бедные буфетчицы! Они после нас многого недосчитывались. Правда, и повезло разочек.

Я ночью проснулся по малой нужде и споткнулся об какие-то твердые мешки. А так как всю свою сознательную жизнь я провёл в деревне, то и учуял, что это – жмых. Быстро освободив свой вещмешок от конспектов, я буквально забил его жмыхом. Что не влезло в вещмешок, рассовал спящим товарищам. Когда посадили левого пассажира, я не видел, но высадили он той же ночью, правда громко возмущаясь недостающим мешком жмыха. Но паровоз вовремя тронулся. Этим жмыхом мы питались, даже будучи уже в Москве.

А о гигиене быта во время следования в Москву даже говорить не хочется. И так все понятно. Тридцать суток в холоде и без сменного белья. Одеты мы были в байковое нательное белье, хлопчатобумажные гимнастерки и галифе, на ногах белые «лосевые», не по размеру ботинки, байковые портянки и голубые обмотки. На голове шапка-ушанка, на плечах шинель, а на руках трехпалые солдатские рукавицы.

Не обошлось и без ЧП. Снег с путей не убирался, и поэтому на стоянках состав как бы находился порой в снежной канаве. На стоянках мы прыгивали на снежные насыпи, а обратно в вагон приходилось запрыгивать с этих же насыпей. И вот однажды ребята, выскочив из вагона, замешкались, а состав тронулся. И один из нас в суতোлке поскользнулся и сполз по снегу под колеса. Парень остался без ноги, и на этом война для него кончилась. Обидно было и то, что в этот момент наш состав был в каких-то ста километрах от его деревни.

Со мной тоже подобное случилось, но мне удалось своими лосевыми ботинками упереться в рельс, а ребята в момент меня втащили внутрь вагона.

В Москву прибыли ночью, на Казанский вокзал. Выгрузились и пешим ходом добрались до сборного пункта на улице Стромынка, 32. Разместили нас в большой комнате. К утру, также строем, отправили в академию имени Жуковского. Там и распределили, выдав карточки на пропитание в Москве. Мы обрадовались: ну, наконец-то, хотя бы наедемся!

Мне и трем моим товарищам лежал путь в город Ярославль. Прибыв на Ярославский вокзал, мы обнаружили, что он забит разнообразным людом, а карточки на пропитание оказались лишь пропусками в столовую. За баланду с отрубями и кусок хлеба с нас содрали с четверых

тридцать два рубля. Денег у товарищей не было, расплачиваться пришлось мне. Дохлебывая баланду, мы обнаружили, что наш состав отправляется. Бросились на перрон. Поезд набирал ход медленно, и мы успели сесть в отходящий поезд.

ОБЕД ОТ ГЕНЕРАЛА ФЕДОРОВА

Ночью, прибыв в Ярославль, мы попали в пересыльный пункт, а попросту в барак с земляным полом. От блох спаса не было, даже выходили на улицу, чтобы вытрясти сих надоедливых паразитов. Ближе к утру отправили нас пешим ходом в штаб корпуса. Предъявив документы, мы расположились под лестницей на лавке и стали ждать своей дальнейшей участи. Ближе к рассвету начали сходитьсь солдаты и офицеры. Нестерпимо запахло приготовляемой едой в штабной столовой. При каждом появлении офицеров мы, сержанты, вскакивали, отдавая честь. И, как должно, от этого и уморились. Дело подходило к обеду. В столовую начал стекаться служивый люд. А о нас явно забыли. Обесиленные и голодные, мы вдруг встрепенулись от командного голоса:

– Встать! Почему не отдаете честь старшим?

Я стоял первым, но за мной из-под лестничной темноты раздались возмущенные голоса моих товарищей:

– Да мы голодные как собаки! Из Москвы никто не кормит, и дела до нас никому нет!

Только тут я заметил, что перед нами стоит генерал-майор. Генерал резко повернулся и быстро исчез. Забегали майоры и подполковники. Появляется опять генерал-майор. Дает команду:

– За мной!

Входим в столовую.

– Встать! Доедите потом!

Столовая моментом пустеет. Остаются генерал, сопровождающие его офицеры, четыре очумелых сержанта и старичок повар. Генерал обращается ко всем сразу:

– Пока они не наедятся, отсюда не уйдут! После выдать им по килограмму хлеба!

Резко поворачивается и покидает столовую. Это был генерал-майор Федоров Сергей Яковлевич. Сержанты и повар остаются в столовой одни. И тут началось! Первое, потом второе, за ними – еще первое, а потом – и первое и второе! Все сытное, жирное, вкусное... Старик призывает:

- Ребятюшки, мне не жалко... да чтобы с вами что не случилось...
- Батя, ты слышал, что генерал велел? Пока не наедемся!..

О, мама родная! Это чувство, когда в тебя уже не лезет, а ты до сих пор голоден.... Это либо надо на своей шкуре прочувствовать, либо... это невозможно себе представить.... По булке хлеба было выдано, как и распорядился генерал-майор Федоров. Это была моя первая встреча с генералом. Но будет и вторая... «Слуга царю, отец солдатам...» Лучше о нем и не скажешь...

Затем – дорога на Рыбинск. Нас там уже встречал на полutorке представитель 42-го авиаполка дальнего действия. Затем нас обстреляли местные пацаны снежками с возгласами «бей фашистов». Рыбинску доставалось от немецких налетов, да и Рыбинское водохранилище имело стратегическое значение. Недельный карантин. Наконец... холодная... баня. Сменили всю одежду... кроме лосевых белых ботинок и голубых обмоток.

Нас распределили по разным эскадрильям. Меня – в эскадрилью майора Колягина, на должность механика Ил-4 с хвостовым номером 25, командиром экипажа которого был лейтенант Милавин. Моим первым техником стал лейтенант Гусев Тимофей. Так началась моя служба в 42-м авиаполку ДД.

42-й авиаполк ДД. На берегу Волги

НАЧАЛО СЛУЖБЫ. НОЧНОЙ ПОЖАР

У меня сохранился военный билет, в котором есть записи, утверждающие, что моя служба в 42-м бомбардировочном авиаполку проходила с декабря 42-го по август 44-го годов, а участником боевых действий я стал с 15 января 43 года. Я не ведаю, кто и из каких источников заполнял данный формуляр, но как потом будет видно, данные эти несколько неточны. Хотя теперь это не имеет особого значения.

С тех пор прошло достаточно много времени, чтобы помнить подробности в деталях, имена людей, даты тех далеких событий. Слишком поздно надоумили меня заново окунуться в годы моей молодости, а поэтому что помню, то и расскажу.

Наш аэродром располагался на крутом берегу Волги выше плотины Рыбинского водохранилища. Летный состав квартировал в соседней деревне Якушева. А ближайшая железнодорожная станция звалась Переборы.

Мы, механики, мотористы, оружейники, спецы по связи и приборам, и прочий технический люд ютились в землянках, врытых в крутой берег Волги. Эти норы вгрызались в берег на семь-восемь метров в длину и ширину, чтобы вдоль по обеим ее сторонам могли расположиться лежаки, сколоченные из кругляка, и меж ними узкий проход. Входу в жилище предшествовал холодный тамбур. Крышей служил слой земли толщиной в два с половиной метра, подпертый стойками и поперечными бревнами. Отапливались землянки самодельными железными печками в проходах возле тамбуров. Дымовые трубы пробивались наружу через потолки, в которых ближе к глухим торцам имелись еще и небольшие окошки-колодцы – не столько для дневного света, сколько для притока свежего воздуха. Стены были задрапированы толстым плотным картоном. Винтовки караульных, ящики с патронами и осветительными ракетами хранились у выхода в тамбур. А верхнюю одежду вешали на стены возле печки для просушки. Одним словом – в тесноте, да не в обиде!

Не успел я отслужить и несколько недель, как приключилась в нашем «мышинном» общежитии беда. Один из мотористов в ночном карауле замерз не на шутку. Бедолага слил бензин с самолета в жестяную банку из-под капсюлей. Разобрал деревянную тару из-под бомб на дрова. Завалился в свою землянку. Дровами забил печку, плеснул на них обильно бензин, оставив ими след от печки до не опорочен-

ной полностью банки. Чиркнул спичкой и запалил... все вокруг себя. Огонь метнулся на промасленную верхнюю одежду, которая сушилась возле печки, и разошелся не на шутку. Постояльцы, слава богу, успели из этой пылающей тесноты благополучно выскочить, правда кто в чем был. Один из них сумел спасти, верный воинскому долгу, винтовку. Одну! Из десяти там находившихся. А другой – самое ценное для себя... матрац. Когда его спросили потом при расследовании происшествия, почему именно матрац, а не винтовку, парень моментально отреагировал: дескать, матрац – это тоже государственное имущество, и я его спасал!

Вопли и крики спасающихся от пожара, конечно, нас всех разбудили. Но мы притихли, лежим, чего-то ждем. Влетает офицер: «Подъем, живо тушить пожар!» Дергает кого-то из нас за ногу. Выскакивает, чтоб поднимать постояльцев следующей землянки. А мы как по команде развернулись поперек своих лежаков, притихли и лежим. Опять залетает офицер: - Подъем! Я сказал! А у нас темнотища, хоть глаз выколи. Хлопает рукой по крайним постелям, а ног-то уж нет! Выскочил. Но недоумевает. В землянке нас нет и снаружи нет!? Разгадал нашу уловку офицер. Пришлось покидать наше теплое лежбище. Но мы-то понимали, что пожар нам нечем тушить! И товарищей своих, погорельцев, меж собой разместим однозначно. Куда уж тут спешить и куда деваться? Да к тому же начали рваться патроны с ракетами в горящей землянке. Дождавшись, пока все выгорит и окончательно разорвется, мы распределили погорельцев по нашим землянкам, а рано утром – опять в промозглую темень на летное поле встречать свои «Илы» из ночных бомбардировок.

Парня этого, горе-поджигателя, потом в штрафбат отправили. Знаю только, что по национальности он поляк. Честно, жалко мне его было. А через несколько дней выгоревшую землянку отремонтировали, и зажили мы прежней служивой жизнью, наперекор своим судьбам и на смерть врагу.

О ХАРАКТЕРЕ НАШЕЙ СЛУЖБЫ

Летному составу есть что рассказать! Как и куда летали, что и как бомбили, как уходили за содеянное от разъяренной погони врага. У нас все гораздо, проще и приземистей выглядело.

Ночь для нас начиналась с шести часов вечера. Это самое напряженное время суток. Зима чем хороша для Aviации дальнего действия? Да

тем, что темень наступает рано. И утро Божьим светом также не балует. Улетали наши «Иль» в ночь и вернуться успевали порой до восхода. Что ни говори, а Ил-4 машина тихоходная, да притом груженная под завязку смертоносным грузом. И до цели порой шесть часов лету. Чем не мишень для юрких «мессеров» и «юнкерсов» при дневном свете? А вот беспроглядной ночью, да на высоте 7-9 тысяч метров, поди обнаружь, подлети и попробуй еще сбить! Когда АДД перешла на ночные полеты, то потери в наших частях резко сократились. Как я потом прочитал в мемуарах маршала Голованова, «если за первые полгода войны один сбитый самолет дальней авиации приходился на 13 самолетовылетов, то начиная с марта 1942 г. в АДД потерянный бомбардировщик приходится на 97 самолетовылетов».

С гордостью могу сказать: за мою службу в военное время у меня было всего два экипажа и две машины. В 42-м полку Ил-4 под № 25 (командир лейтенант Милавин) и в 108-м полку Ил-4 под № 8 (командир Паша Горинов). Ни разу они при мне не были сбиты, и экипажи прилетали живыми и здоровыми. А летали наравне со всеми, а порой с особыми заданиями. Ну, об этом далее. Так что близких друзей и товарищей от пуль и снарядов вражеских мне терять и хоронить не приходилось. Бог миловал. Но вот один курьез – с потерей стрелка-радиста и стрелка – все же случился.

ЖЕНИТЬБА ЛЕЙТЕНАНТА МИЛАВИНА

Это было летом 43-го. Ранним утром мы с моим техником лейтенантом Тимофеем Гусевым находились в ожидании, сверля глазами небо поверх матушки Волги. Наконец зафиксировали, как наш Ил-4 с хвостовым номером 25 благополучно коснулся земли, подрулил к стоянке. Машину покидают лейтенант Милавин и штурман. К моему глубокому сожалению, я не помню ни фамилии его, ни имени. Отойдя в сторону, они о чем-то шепчутся. Стрелка-радиста и стрелка на месте не оказалось.

Подъезжает машина, как всегда, собирающая экипажи для послеполетных разборов, и увозит их в штабную палатку. Мы в недоумении. Ясно одно: что-то случилось.

Через короткое время «прискакали» соответствующие спецы, снимают барограф – прибор, отслеживающий время и высоты полета, и увозят его в штаб. Барографы устанавливали сначала в фонаре штурмана. Но летуны стали хитрить. То перо сломалось, то чернила либо

высохли, либо замерзли и т.п. Барограф перенесли в гондолу для шасси. И строго-настрого запретили его кому-либо касаться, кроме соответствующих лиц. Что греха таить, не все же смелыми были. Могли и сбросить смертельный груз не туда, куда он предназначался, и не с той высоты. А при данном раскладе хочешь не хочешь, а полетное задание будь добр выполняй, иначе... особый отдел тут как тут. Он не дремлет.

Подкатывает «Виллис», из него вылезает генерал. В руках кожаный шлем и перчатки. Ему помогают надеть парашют. Мы с Тимохой стоим навтыжку. Генерал приказывает мне занять штурманское место, но парашют мне почему-то не положен. Взлетаем.

Этого генерала я раньше в полку и видел и не видел. Вспомнить сейчас не могу. Да и вообще, я от начальства старался подальше держаться. Хватало мне главного инженера полка, который и руководил всей технической прислугой в нашей части.

Более часа генерал виражировал на всех мыслимых и немыслимых режимах над Рыбинским водохранилищем и близлежащими окрестностями, проверяя исправность боевой машины. Под водой Рыбинского водохранилища я видел затопленные церкви. Это мне четко врезалось в память, когда генерал резко снижался над водной гладью.

Наконец сели. Генерал молча покинул самолет, сел в машину и уехал.

А случилось следующее. Летчик Милавин на станции Переборы познакомился с молодой учительницей. Вместо того, чтобы днем высыпаться перед ночными вылетами, он мчался на станцию к подруге. Естественно, ему было... не до сна. Но он приноровился спать в самолете на обратном пути домой, перелетев линию фронта. Управление машиной брал на себя штурман, возможность такая у Ил-4 имелась. И в этот раз, перелетев линию фронта, он заснул, но... пришло время переключать подачу топлива с основных баков на дополнительные, что только он и мог сделать. А он спит. Подача горючего прекратилась, и самолет начал просто падать. Штурман кое-как, за ногу, растолкал летчика. Надо отдать должное Милавину – он среагировал моментально, переключил подачу топлива. До земли, как показал барограф, оставалось каких-то 100 метров. А летели до этого на трех тысячах. Стрелок-радист и стрелок, толком ничего не поняв и не получив каких-либо ответов от командира на запросы по внутренней связи, покинули падающую машину. Приземлились они нормально и через некоторое время, объясняясь по пути в соответствующих отделах встретившихся на пути подразделений, вернулись в свой полк.

Это сейчас выясняется, что командующий АДД добился у Верховно-

го, чтобы сбитым летчикам АДД не препятствовали в возвращении в свои части. А приземлились-то они у себя глубоко в тылу!

Что ждало лейтенанта Милавина? Скорей всего трибунал, а после, возможно, и штрафбат. Но... нет! Спасибо нашему командующему, и здесь он подсуетился заранее, выстраивая особые принципы взаимоотношений в своих частях. Конечно, это только теперь выясняется. Но к людям в АДД отношения были человеческие, далеко не те, про которые приходится сейчас слышать. Я это на себе прочувствовал. А Милавину дали отпуск на три дня, чтобы он женился.

О ХАРАКТЕРЕ НАШЕЙ СЛУЖБЫ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Итак, ночь для нас наступала с 18-00. До очередного вылета мы наворачивали то, что не успевали сделать после приземления наших «Илов» утром и в течение дня. Но и после того, как наши машины растворялись в ночных сумерках, мы не покидали своих стоянок, а готовились к их очередному прибытию. Собирали и укладывали брезентовые чехлы для двигателей, меняли баллоны со сжатым воздухом. Заправляли и обслуживали подогревательные лампы АПЛ-1, приспособление для подвода тепла к мотору и маслобаку самолета и все остальное, что могло пригодиться при подготовке к следующему вылету. И только после того, как все это было проделано, и если, не дай бог, не случилось какой-либо «проказы» с соседним «Илом», стоящим на приколе из-за технических неполадок, нам удавалось зарыться с головой в приготовленные чехлы и вырубиться на несколько часов мертвецким сном. Ну а если с соседним «Илом» беда? Забудь про сон и иди на помощь к товарищу. В АДД это было негласным законом, и он выполнялся неукоснительно!

А ранним утром – очередная и долгожданная встреча своей машины. Журнал с техническими претензиями командира экипажа. Хорошо, если их нет, а то иногда бывало... И становится ясно, чем будешь заниматься в этот день. Но после письменных и устных пожеланий летчика – стандартный утренний моцион. Запускаем двигатели. Проверяем их по техническому регламенту. Раскрываем двигатели, т.е. раскапотчиваем, снимая с них обшивку – колпаки. Доводим работу двигателей до стандарта. Затем обратно закапотчиваем, если все в порядке. А то забудь про утренний сон! Наконец зачехляем проверенные моторы. И если все проходит быстро и удачно, можно час-другой и поспать. А затем все по техническому регламенту: профи-

лактика то одного механизма, то другого, закачка сжатым воздухом бортового баллона, необходимого для запуска двигателей, тормозов и для пневматической системы, с помощью которой убирались и выпускались шасси. Мы почему-то стойки шасси ногами звали.

Параллельно с нами и оружейники вертелись, и спецы по приборам и связи. А слесари полевой ремонтной мастерской заделывали рваные раны на наших машинах, полученные во время ночных бомбежек.

Штабные связисты были всегда начеку. Ждали очередных заданий ставки. И только тогда, когда их получали, становилось ясно, каким комплектом бомб загружать наши «Илы».

Тут как тут появлялись ребята из роты аэродромного обслуживания, доставляя бомбы к самолетам. А мы их загружали лебедкой, находящейся в самом самолете. Как правило, это десять бомб по 100 кг внутрь в два ряда по пять штук, а снаружи еще две по 250 кг или одна пятисотка. А по типу ФАБы – и САБы. Затем подъезжали бензовозы и механики заправляли самолеты. Если полет предстоял дальний, то вместо наружных бомб подвешивались два дополнительных топливных бака по 500 литров из прочного прессованного картона, которые вырабатывались в первую очередь, а затем сбрасывались на землю. Правда, чтоб двигатели не смогли глотнуть воздуха, в них оставалось литров по пятьдесят горючего. Но ими приходилось жертвовать.

Вообще всем работы хватало. И так до 18-00. А затем все заново. Так что спали мы как придется и где придется. Недолго и не сладко. Но спали.

Перед самым вылетом техник рапортует своему летчику-командиру о полной готовности боевой машины к полету, стоя перед ним навытяжку. И это непременно с соблюдением всех уставных формальностей, независимо от того, в каких отношениях вне службы они находятся. А отношения у нас были по-человечески нормальными и по-товарищески простыми. И общались мы в кругу своем не по званиям, а просто по именам.

А когда летчик запускает двигатели, механик стоит у его кабины на крыле и ждет, дадут ли двигатели необходимые обороты. И не дай бог, будет недоставать хотя бы пяти из них, тогда машина считается не готовой к полету, и механик в считанные минуты старается устранить неполадку.

Мне при этом почти всегда везло. Если такое случалось, я весьма быстро находил и устранял неисправность. И после того, как летчик убеждался, что двигатели давали необходимое количество оборотов, он расписывался в моем журнале, что машину принял и претен-

зий не имеет, я с чувством выполненного долга соскальзывал на заднице с крыла, а летчик выруливал на взлетную полосу.

И так изо дня в день. Главное, к этому привыкаешь. Но бывали и срывы...

ПОЛВЕДРА ГРЕЧНЕВОЙ КАШИ

Однажды летом 43-го, в жаркий и душный день, мы с Тимкой Гусевым готовили свой «Ил» к очередному ночному полету. От накопившейся усталости, летней духоты, недоедания и недосыпания я просто... ослеп.

Видя, как я начал тереть глаза, а затем хлопать веками, Тимофей меня спрашивает:

– Валька, в чем дело?

– Черт его знает, просто ничего не вижу!

Лейтенант Гусев помог мне спуститься с самолета на землю и отвел меня в тень.

– Отлежись здесь, как что, прикрою.

К вечеру зрение стало мало-помалу восстанавливаться. Я заметил, как Тимофей сливает во фляжку спирт, и когда наш «Ил» исчез в сумеречном небе, подошел ко мне и сказал:

– Ну что, доходяга, пошли.

Лейтенант Гусев привел меня в офицерскую столовую. Офицерская столовая в АДД – это далеко не солдатская. Обслуживание летного состава было по высокому разряду. Да это и понятно. Пошептавшись с работницей столовой и передав ей фляжку со спиртом, Тимофей усадил меня за стол, накрытый белой скатертью и с полным блюдом нарезанного хлеба. Официантка Катя предложила гречневую кашу в объемных фарфоровых мисках, обильно приправленную сливочным маслом. Через несколько минут от каши не осталось и следа.

– Добавить? – спрашивает девушка.

Опять на столе две миски с гречневой кашей. И опять через несколько минут они были пусты.

Подходит Катя, улыбаясь.

– А можно жареной картошки? – спрашивает Тимофей.

А я смекнул, нет, думаю, сколько там ее нажарят? Она же в дефиците! И снова прошу:

– А мне еще каши.

И третья порция гречки исчезла в моем желудке. Если сложить всю

съеденную мной тогда кашу, то ее будет больше чем полведра. И как она влезла, да еще с хлебом? К тому же еще было выпито по большой кружке сладкого какао. А на дорожку было выдано по полбуханке белого хлеба, которую я умудрился съесть, пока шел в свою землянку. Разве такое забудешь?

Кормили младших технарей по третьей норме. Норме далеко не сытной. У летного состава была седьмая норма. Кормили нас три раза в день, по талонам, которые некоторые ушлые служаки каким-то образом доставали и затем нам пытались продать. В обед на первое полагался постный суп. Перловый, или с лапшой, или еще с чем-либо. На второе – каша, правда без масла. Если каша перловая, то обязательно почему-то синяя по цвету. Мясо заменялось либо вареной рыбой горбушей, которая так надоела за годы службы, что в рот не лезла, либо смесью отваренных овощей, типа недоделанного винегрета. стакан чая с двумя кусочками сахара и двести граммов черного хлеба. На завтрак и ужин – все, что было на обед, но без первого и «мяса». Если хорошенько прокалить на огне касторовое масло, непременно до синего пламени, то в умеренных дозах оно сходило за сливочное. У нас почти у каждого была небольшая емкость с этим самопальным продуктом.

Что греха таить, бывало, что ребята подворовывали в деревнях картошку. Готовить нам в землянках запрещали, зная, что продукты добыты не совсем честным путем. Офицеры, почуяв запахи, например, варившейся картошки, забирали котелок и содержимое его попросту вываливали в соседних кустах. Чтоб избежать подобного, картошку варили в цинковом ящике из-под взрывателей, он был достаточно глубоким и длинным, и в нем могло целое ведро картошки уместиться. Этот ящик засовывали глубоко в железную печку и затем закрывали дровами. Офицеры, учуяв соответствующие запахи, влетали в землянку. Даже заглядывая в пылающую печку, никакой кастрюли, конечно, не обнаруживали. На их строгие вопросы мы только плечами пожимали. А затем, умеренно заправив картошку прокаленным касторовым маслом, узким кругом особо приближенных к данной затее приговаривали ворованную картошку к смерти врагу, приближая тем самым День Победы. Стыдно, конечно, порой за поступки свои: хотя я не участвовал в процессе добычи, но добытое иногда употреблял.

Кто не курил, тому выдавалось взамен курева либо триста граммов сахара, либо двухсотграммовая плитка шоколада в месяц. Я сумел скопить сахар и шоколад в холщовом мешочке. И как-то зимой, а это случилось в Желудке, я провел безвылазно трое суток на летном поле: готовил свой «Ил» к очередным вылетам, а затем приходилось

ремонтировать соседний, стоящий на приколе. Наконец поставили на нем двигатель и меня отпустили в землянку. Продрогнув до самых костей, сел на свой лежак и, раскрыв заветный мешочек, ткнулся мордой в его содержимое. И заснул.

Пробуждение было, мягко говоря, необычное. Сахар и шоколад слепили лицо. Вода – только холодная. Кое-как отодрав сахарно-шоколадный нарост с физиономии, я почувствовал, как нестерпимо саднит кожу лица. Была какая-то мазь от обморожения, которой я сдуру решил воспользоваться. Только эффект был противоположным. Кожу как кислотой обожгло. Смыть мазь оказалось невозможным. Жжение нестерпимое. Помочь некому. Как терпел, до сих пор понять не могу. Только орал как ошпаренный да бегал по землянке. Приключись боевая тревога тогда, наверное, дезертиром бы прослыл.

ШАЛЬНОЙ СНАРЯД

Я уже говорил, что Рыбинску от немцев доставалось. Летом как-то был массированный налет немецкой авиации на плотину водохранилища. Начали они бомбить с ранней ночи, закончили лишь утром. Ходили каруселью. Но, странное дело, сколько наши зенитчики ни старались, так ни одного фашиста и не сбили. Да и немцы столько бомб сбросили, а существенного вреда плотине не причинили. А прорвись плотина, несдобровать тогда ни Рыбинску, ни Ярославлю. Но жертва все же одна была.

Шальной снаряд от нашей зенитки долетел до деревни Якушева, пробил соломенную крышу, влетел внутрь жилья и настиг малолетнего парнишку. Мальчонка погиб, а снаряд не разорвался. Горем убитая мамаша бросилась к соседям, где квартировал полковой инженер по вооружению капитан Вашкевич. Типичный советский еврей-интеллигент того времени. Мягкий по натуре, добрый дядька. Ему учительствовать бы где-нибудь или инженером быть на каком-нибудь заводе, а война взвалила на него несвойственную ему морально непосильную ношу, сделав его военным. Как-то перед вылетом, при замене бомб одного типа на другой в связи с изменением боевого задания, заклинило одну из них. Она ни туда ни сюда. Технари крутятся вокруг нее, время поджидает. А Вашкевич сложил молитвенно кулаки на груди и бормочет:

– Бомбочка, миленькая, ну снимись ты, наконец!

Бомбу, конечно, заменили.

И теперь капитан Вашкевич, внимая причитаниям бедной женщины,

пошел смотреть, что можно сделать с этим проклятым неразорвавшимся снарядом. А деревенский люд уже окружил домишко. В двери и окна заглядывает. На уговоры капитана отойти на должное расстояние от опасного места не реагирует, любопытством распираем. Вытер носовым платком со лба обильный пот капитан, наконец, решился. С опаской, тихо вошел в комнату, где мальчонка на полу лежит, а рядом с ним снаряд. Нервы струной напряжены. И надо же такому случиться, что какая-то особо любопытствующая с грохотом уронила в этот момент в сенях пустое ведро. Лопнула, видать струна, у капитана, и не одна. Вылетел он пулей из дома. Мы его больше не видели. Командование полка, скорее всего, перевело его в другое соединение, дабы не подвергать его самолюбие разного рода насмешкам. И горько и смешно. А какой нормальный, да и не только мягкий интеллигент, а просто человек, сумел бы в подобной ситуации остаться хладнокровным?

Ближе к осени из 42-го авиационного полка был выделен 108-й авиационный полк дальнего действия. Оба полка входили в состав 36-й авиадивизии. Когда мы осенью перелетали с берегов Волги на новый аэродром в местечке Выдропужск Калининской области, то я уже был с новым экипажем лейтенанта Горинова Павла, а моим техником стал старшина Данилин Паша. Мой новый Ил-4 с хвостовым номером 8 вошел в состав первой эскадрильи полка, комэском которой стал летчик Новожилов Николай Вячеславович.

При перебазировании на новое место дислокации 108-го авиаполка произошла ничем не оправданная трагедия. Молодой лейтенант вылетал последним. «Набил» свой «Ил» столовской и интендантской прислужгой – молодыми девчатами. Взлетел. Дал прощальный круг над опустевшим аэродромом и решил напоследок выпендриться. В конце деревни была аллея из старых рослых тополей. Лейтенант, положив «Ил» на крыло, попытался проскочить между деревьев, но задел крылом верхушку. Машина рухнула на землю. В живых никто не остался. Одна из самых никчемных и неоправданных потерь в полках, в которых довелось мне служить.

108-й авиаполк ДД. Местечко Выдропужск**О ХАРАКТЕРЕ НАШЕЙ СЛУЖБЫ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)**

Уже и не вспомнить, на чём и как мы добирались из обжитой нами деревни Якушева на берегу Волги к новому месту дислокации 108-го авиаполка, в местечко Выдропужск, что в Калининской области. Как правило, для таких нужд использовались транспортные Ли-2, которые специально для этого пригонялись. А иногда мы перелетали на новые места службы и на собственных «Илах». Я уже не помню, был ли это сам Выдропужск или какое-то селение вблизи его. И на окраине этого селения в бараке расположился штаб нашего авиаполка. Мы, технари были расквартированы при нем. А на летное поле – а оно было километров в двух от штаба – нас водили строем после утреннего построения, как правило, по эскадрильям.

И вот на одном из первых таких построений я попался на глаза командиру эскадрильи капитану Новожилову, проходящему мимо нашей не совсем стройной шеренги. Уже тогда о нем ходили легенды как о бесстрашном летчике. Поманив меня пальцем, смотрит в упор и не совсем добро.

– Сержант! Даю вам пять минут. Приведите себя в порядок.

И идет дальше. Я оторопел. Что он имеет в виду? А ребята сразу врубилась. Моментом снабдили меня бритвенными принадлежностями. И я наконец-то расстался со своим пушком на юной физиономии и с подачи самого Новожилова стал бриться.

Помню передвижную полевую баню, которая расположилась как-то на опушке леса вблизи летного поля. На снег укладывались сосновые лапы. Натягивалось что-то вроде палатки. А на костре разогревалась двухсотлитровая бочка с водой. Одежду мы сворачивали каждый в отдельный узел, и узлы эти затем пропаривались в автоклаве. У меня была кожаная меховая шапка голубого цвета. Досталась она мне при выдаче обмундирования по прибытии в 42-й авиаполк. Ни у кого такой не было, даже у летного состава, и я ею очень гордился. И надо же мне было засунуть ее в узел с бельем. Когда после принятия незамысловатых водных процедур я спешно разворачивал свой узел, чтобы как можно быстрее сокрыться от пробирающего холода, я обнаружил, что шапка моя от пара безвозвратно сморщилась. И даже мой кулак в нее еле-еле влезал. И стал я, как все мои технари-товарищи, носить обычную серую ушанку, выданную мне впоследствии. Но эту шапку голубого цвета почему-то вспоминаю до сих пор.

Наступила зима. Мы, технари, с утра до вечера, а то и ночи напролет

проводили на летном поле, готовя к полетам днем, провожая в ночь и встречая утром свои «Илы». Даже трудно что-либо вспомнить примечательное на фоне повседневного военного бытия обычного механика той зимы 43 – 44-го годов. Летчики летали и бомбили, претворяя стратегические и тактические планы командования во благо еще так далекой и так желанной Победы, ну а мы, технари, всячески этому способствовали, обеспечивая техническую готовность боевых машин.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ОБМЕН

Как бы война нас, недавних пацанов, ни выросли, а в душе мы пацанами еще долго оставались. И вот почему. В наш полк прибыли механики-стажеры. К моему «Илу» закрепили двух ребят. Одного из них, Кольку Ключкина, я помню до сих пор, так как мы с ним, по причине нашей еще не состоявшейся взрослости, оказались в одной весьма сложной ситуации.

Проселочная дорога проходила почему-то по летному полю, и иногда по ней мимо наших боевых машин проезжали деревенские подводы. Где я был в тот момент, уже не помню, но эти двое шустрых ребят сумели договориться с проезжающим на подводе деревенским пацаненком лет двенадцати об обмене картошки на порох, о чем они мне затем и поведали. Отдельно пороха у нас отродясь никогда в хозяйстве не водилось, а вот патронов к караульным винтовкам, осветительных и сигнальных ракет хоть ведром черпай, всегда было с избытком, и контроль над их количеством никто и никогда не осуществлял. Вот и подгадав момент, когда «Илы» растворились в ночи, я и Колька Ключкин, набив карманы шинелей патронами и ракетами и для верности обмена прихватив еще десятилитровую канистру с керосином, направились за картошкой через лес напрямик, проваливаясь по колено в снег, в деревню, где проживал на окраине этот пацан. Шли километров семь, вымотались изрядно. Наконец нашли тот домишко. Окна в ставнях, но в щель пробивается свет от керосиновой лампы. Прильнули к щели и видим: сидит за столом офицер и что-то пишет или читает. Вот думаем, невезуха, как пацана-то вызвать? И пока спорили, то и не заметили, как с тыла этот офицер нас и застучал.

На вопрос, кто такие и что здесь делаем, мы не совсем дружно что-то промямлили насчет договоренности обмена керосина на картошку с сельчанами. На что офицер, уже в годах мужик, приказал следовать за ним в комендатуру для выяснения наших личностей. Пока шли, я толкнул Кольку локтем, мол, давай шустро избавляйся от содержимого в

карманах. Благо что офицер шел впереди нас. Мы начали распахивать патроны и ракеты в сугробы, которые, к счастью нашему, были высокими, вдоль тропинки, ведущей к комендатуре. Последние запасы мы уже укладывали по углам темного и длинного коридора. И когда мы, наконец, предстали перед офицером в освещенной комнате, наши карманы были уже пусты. Оказалось, что в этой деревне размещались зенитчики. И наши ответы на вопросы, откуда мы, кто командир нашей части и прочие, совпали с той информацией, которой владел этот офицер. Да и видя нас, еще по сути пацанов, он нам поверил, но строго сказал, что керосин, мол, на картошку, так и быть, обменивайте, но после чтобы даже духа нашего здесь больше никогда не было. Мы пулей выскочили на улицу. А Колька давай приставать ко мне насчет обмена. Я тогда зло ему ответил:

– Ну и дурак ты, Колян! Давай как можно быстрее отсюда мотать. Обнаружат ракеты, все, конец нам настанет! За диверсантов нас принять могут из-за этих ракет! Понял?

Понял тогда Колька, куда вляпаться можем. Плюнули мы на канистру с керосином и, не чуя ног своих, рванули к себе в полк. Потом еще неделю дрожали, не начнут ли искать нас, обнаружив наши спешно упрятанные боеприпасы. Но пронесло. Ну и судите сами, были мы тогда еще пацанами, несмышлеными и бесшабашными? А технику нам, обалдуям этаким, доверяли!

ЦЫГАНСКИЙ МЕТОД БОРЬБЫ С ОБЛЫСЕНИЕМ

Весна 44-го выдалась ранней и теплой. Мы в лесу возле летного поля, метрах в трехстах, обнаружили заброшенную сторожку без окон и дверей. Уговорили своих командиров переселиться в нее на лето, чтобы быть как можно ближе к самолетам и не мотаться лишний раз в штаб на ночлег. Теснота в штабе была ощутимой, и нам переселиться в сторожку с охотой разрешили. Новое наше жилье мы быстро оборудовали нарами, обжили и дружно назвали его «хижиной дяди Тома». Здесь поселились механики Ивачев Коля, Анохин Петр, Давыдов Миша, Снигирев Володя, Попков, его имя, к сожалению, подзабыл. Но парень под цыгана натурально косил. Оружейники: туркмен Насыров Турсун, Устинов, Агеев Коля, Вереен Лешка, моторист Вася Хрущев и Ваня (фамилию его и кем тогда служил, не вспомню уже, мужик лет за сорок, лысеющий, что его сильно расстраивало по причине малой привлекательности для женского пола).

– Какая женщина на меня, такого лысого, позарится? – сокрушался, как правило, Ваня, на что Попков как-то ему предложил:

– Ваня! Я тебе готов помочь. У нас, цыган, есть один простой, но действенный способ избавления от такой напасти, как лысина.

– Как это? – с надеждой спросил Иван.

– Бери наш таз и вскипяти в нем воду. Да найди чистое полотенце, – распорядился Попков.

Ваня рванул выполнять команды «цыгана». Мы переглянулись, недоумевая, что это задумал Попков. Но он был серьезным и вид у него был решительным. Ваня все сделал, как ему велели. За чистое полотенце сошла чистая портянка. Наконец приступили к главному. «Цыган» усадил Ваню на табурет, предварительно заставив его раздеться до трусов. Обжигая пальцы, намочил портянку и с возгласом:

– Терпи, Иван. К утру они вылезут! – накрыл его голову обжигающей тряпкой.

Мы, ошарашенные такой неожиданностью, все обернулись на Ивана. А тот, сжавшись от боли, но терпя ради своего красивого будущего, только жалобно скулил, ерзая на табуретке. Мы начали хихикать в такт его скулению:

– Ваня! Терпи! С завтрашнего дня все бабы твоими станут!

Но тряпка остыла. Второй сеанс обезлысивания на следующий день перенесли. А рано утром я проснулся от какого-то шороха и громкого шепота.

– Ну, где они? – вопрошал Ваня.

– Да вот они, вот, видишь? – отвечал «цыган».

Я увидел, как Иван стоит в проеме окна на коленках – задницей внутрь, а головой наружу. И Попков, держа в руках наше облупившееся зеркало, подносит его к голове Ивана. Затем произносит:

– Знаешь, Ваня, видать, я что-то подзабыл. Наверное, сперва надо голову, а может быть, воду... посолить?

Я чуть не сдох от смеха. Сразу проснулись все. Даже не поняв, в чем дело, начинали неистово ржать. Ну, такой разрядки мы с начала войны не получали. А у Вани потом облезла кожа на голове, он долго не общался с «цыганом», но, в конце концов, примирение все-таки состоялось. Иван смирился со своей лысиной. Но без смеха наше житье-бытие в «хижине дяди Тома» и сейчас трудно вспоминать. Правда, жили мы в ней недолго, так как к концу мая, с продвижением фронта на запад, наш полк передислоцировался под Новодугино, в Смоленскую область.

108-й авиаполк ДД. Село Слизнево

О ХАРАКТЕРЕ НАШЕЙ СЛУЖБЫ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Новым местом дислокации нашего авиаполка стал аэродром вблизи села Слизнево под Новодугино, что в Смоленской области. Мы обживали новое место ненадолго. Ближе к осени нас перебросили еще дальше на запад, в местечко Желудок, что в Западной Белоруссии. Ну а здесь аэродром достался нам от немцев. Правда, бетонные взлетные полосы, а это был обязательный атрибут немецких аэродромов (они почему-то с грунта взлетать не хотели или не могли), были фрицами при отходе тщательно взорваны в шахматном порядке. Но когда мы прибыли сюда, то на летном поле уже поработала рота аэродромного обслуживания. Грунтовые взлетные полосы уже укатаны параллельно испорченному немецким. Укатывались они катками, запряженными тракторами на гусеничном ходу.

Остались от немцев и капониры, защитные инженерные сооружения для укрытия самолетов, подпорными стенами которых служили уложенные горизонтально бревна, удерживающие грунтовые насыпи. Наша авиация немцев крепко доставала, и капониры для них были жизненно необходимы. Вред самолетам в таком укрытии могло принести только прямое попадание авиабомбы, а вот от осколков и ударной волны самолеты были защищены.

Достались нам и их землянки вблизи летного поля, в которых мы, технари, и разместились. Они были длинными, и занимали их только частично. Так вот, в необжитой части землянки было сыро, и там давно уже обосновались лягушки, которые нам весьма и весьма досаждали своим кваканьем по утрам. Кто-то из нас всякий раз не выдерживал, вскакивал с нар и пулял в тот угол из ракетницы. Они и замолкали. Правда, на время. А затем лягушачья какофония, как ни в чем не бывало, возобновлялась до очередной пальбы.

Ну а летный состав, инженерный и прочий штабной люд, а также наши техники были расквартированы по селу Слизнево. Техники, как правило, имели офицерский чин, а если и чином были ниже, то они в должности офицерской прибывали, и поэтому, по армейскому уставу, они квартировали отдельно от нас, служаков сержантского состава.

Капониры мы особо не использовали для стоянок наших «Илов». Я вообще не помню за всю свою службу, чтоб аэродромы, на которых мы базировались, подвергались немецким налетам. Обживались мы по ходу выполнения основных прямых обязанностей, которые, как вы уже знаете, сводились к следующему: боевые машины должны иметь

полную техническую готовность к заданному часу для выполнения поставленных командованием боевых задач. Так что летать наши «Илы» начали чуть ли не сразу по прибытии на новое место службы.

Именно на этом аэродроме мой «Ил» с хвостовым номером 8 занял особый статус в 108-м авиаполку дальнего действия. На нем была установлена фотокамера. И с конца лета экипаж моей восьмерки, в составе командира лейтенанта Горинова Павла, штурмана лейтенанта Селезнева Валентина, стрелка-радиста сержанта Кармашева Павла и стрелка сержанта Прудникова Василия, стал летать на особые задания – ночные фотосъемки целей, по которым наносились бомбовые удары нашим полком. Теперь мой «Ил» первым заходил над целями, освещая их световыми бомбами и фотографируя их до бомбежки. И заканчивал после всех отбомбившихся, опять заходя над целями, уже под огнем окончательно озверевших зениток противника, освещая содеянное и фотографируя его результаты. Именно по итогам этих съемок оценивался теперь ратный труд экипажей нашего полка. Да и «восьмерку» нашу стали всячески оберегать. И кроме основного её предназначения, для других нужд, например для учебных полетов, уже не использовали.

А экипаж Горинова интенсивно оттачивал свое летное мастерство в учебных полетах «под колпаком», то есть вслепую, на специально приспособленном для этого «Иле». На нем задраивались кабина летчика и фонарь штурмана, и ребята выходили на учебную цель только по приборам и радиосигналу.

И результат усилий Горинова и Селезнева быстро сказался. Уже в Желудке ребят за ратный труд наградили орденами Красного Знамени и сфотографировали на фоне полкового знамени, о чем и свидетельствует фотография, сохранившаяся у меня до сих пор.

Что касается увеличения служебной нагрузки на техника моего, старшину Данилина Пашу, и автоматически на меня, механика «восьмерки», его мы особо не ощутили. Но особый статус, неожиданно свалившийся на нас, давил психологически однозначно. Как-никак, от нашей машины теперь зависело подтверждение выполнения полком заданий Ставки. Поэтому мы, технари «восьмерки», попали под отеческий контроль командира полка, тогда еще майора, Родионова Ивана Васильевича, который даже не ослабевал по привычке, вплоть до моей демобилизации в марте 1950 года. В чем этот контроль выражался? Даже трудно сказать. Просто он стал проявлять слегка повышенное внимание к делам нашим, и наши старания с Пашей Данилиным не ускользали от него. А поэтому мы вовсю и старались.

Однако, кроме основных забот наших, иногда случались и другие, даже весьма печальные.

ПРОЩАЛЬНЫЙ КАРАУЛ В НЕНАСТНУЮ НОЧЬ

Как-то, во второй половине июня 44-го, ночью, в связи со скверной погодой нам выпал случай спать в своей землянке. Неожиданно открывается дверь. Слышу голос адъютанта полка Петрова:

– Ты и ты. Подъем! Взять с собой винтовку и живо в медпалатку. Там вам скажут, что делать.

Разбужены были сержант по фамилии Рева, у которого своего места на нарах не было, и он спал в проходе на столе, и я. Быстро одевшись, мы выскочили под проливной дождь. Через мгновение были уже насквозь мокрыми. Вода попросту стояла стеной.

До медпалатки километра три по летному полю. Заметили, что «Илы» стоят как попало. На земле также сплошная вода. Добрались, спотыкаясь, до медпалатки. На носилках лежит кто-то из «летунов», в темноте не разобрать. Хотя и лето, но в зимнем летном обмундировании, в унтах. Ясно, летали на большой высоте. Нам было приказано тело погибшего, а это оказался стрелок Гриша Петрушин, перенести в палатку штурманов, в которой планировали и разбирали полеты после выполнения заданий, и нести караул, пока не будет смены. Это, опять-таки, километра два по летному полю. Обмундирование погибшего окончательно намокло, и ноша наша казалась неподъемной. Спотыкаясь, иногда падая и роняя нашего бедного товарища, мы наконец-то уложили его на большой штурманский стол. Выжались и привели себя в порядок.

К утру непогода утихомирилась. В палатку первой пришла Люба Плюснена. Она из немногих женщин полка, числившихся, как правило, мотористами, была именно мотористом. Деваха рослая и сильная, ворочала железо самолетное, как заправский моторист.

– Мальчики, дайте хоть за ногу Гришкину подержаться. – Дотронулась до его унта, заплакала и быстро вышла.

Нас сменили. Добравшись до своей землянки, мы обнаружили, что она полна воды и посередине плавает мой чемодан, выкрашенный голубой краской. А через некоторое время мы уже готовили наши машины к очередному ночному вылету.

Гриша Петрушин был стрелком в экипаже опытного летчика Осипова и штурмана Зуенко, будущих Героев Советского Союза. В этом полете

летчик Осипов был ранен, и самолет он сажал на пару со штурманом. При посадке завалились на крыло. Причиной тому оказалось не только ранение летчика, но и ужасная непогода. Действовало неукоснительное правило: неважно, какая на аэродроме погода, лишь бы она над целью была нормальной. Так вот и летали наши экипажи.

А буквально через несколько дней произошла еще одна трагедия. С боевого задания не вернулся «Ил» командира полка Родионова Ивана Васильевича. Это сильно ударило по моральному состоянию нашего подразделения. На следующий день ни один самолет не поднялся в небо. Командование 36-й дивизии с пониманием отнеслось к столь нехарактерному протесту летного состава, и только через день полк отбомбился по полной программе. Но к большому счастью нашему через некоторое время командир полка и затем кто-то из его экипажа (к сожалению, уже не помню, кто именно) вернулись в родной полк. Ивана Васильевича тут же, чуть ли не под конвоем, отправили в Москву. Скорей всего, проверяли не на шутку мужика. Правда, через пару недель он, как ни в чем не бывало, приступил к своим обязанностям.

В полку тогда по этому поводу ходили слухи, что самолет командира был сбит зенитным огнем. Не все из членов экипажа покинули пылающую машину, к тому же командир попал в плен. Немцы с должным почтением отнеслись к нему, почему-то уже зная, что в руках их оказался сам командир 108-го авиаполка ДД. Он был обожжен, и его поместили в госпиталь, из которого он при помощи двух женщин (одна из них оказалась немкой) удачно бежал.

Но достоверность эпизода я гарантировать не могу. Это то, что я слышал от других.

КАК НЕ СТАТЬ ДЕЗЕРТИРОМ ПО ГЛУПОСТИ

Один раз нас, механиков эскадрильи, собрали возле одного «Ила» и заставили вместо 250-килограммовых бомб подвешивать два огромных брезентовых мешка. Они весьма тяжелыми были, и мы еле-еле справились. На вопрос, что это такое, получили весьма короткий ответ: «Деньги!» Но без каких-либо комментариев. Иногда нашими экипажами выполнялись особые задания. Например, несколько раз в ночные полеты брали хрупкую женщину, ее привозили на «Виллисе» прямо к отлету, и в темноте лица ее разобрать нельзя было, а прилетали утром уже без нее. Обычно такими делами занимался экипаж командира нашей эскадрильи. А что касается мешков с деньгами, то через несколь-

ко дней мы узнали, что один мешок достался тем, кому предназначался, – партизанам. Второй так и сгинул в болотах Белоруссии.

В конце августа 44-го наш полк перелетал в Западную Белоруссию, в местечко Желудок. Вот тогда-то и приключился со мной случай, о котором вспоминаю с содроганием в душе.

Под вечер все машины должны были отлететь. И передо мной встала тогда дилемма. Лететь ли со своими в тесноте и с неудобствами, на чем особо и не настаивали мои командиры, либо лететь на следующий день утром на Ли-2, в более привилегированных условиях? Не мудрствуя лукаво, я выбрал второе. А так как неожиданно «привалило» свободное время и начальство уже отлетело, оставшийся, как и я, механик по вооружению по фамилии Дейнеко – рослый такой хохол – предложил мне смотаться в соседнюю деревню по какой-то своей надобности. То ли он задолжал кому-то, то ли ему, а это километров в двенадцати от аэродрома. Скорей всего это и было Новодугино.

«Двенадцать километров собаке не крюк», – подумал я и от нечего делать согласился. Благо что от немцев осталась узкоколейка, ведущая к этому селению. Поэтому заблудиться было трудно.

Дошли до деревни, от которой остались к тому времени голые трубы да покосившаяся городьба. Дейнеко куда-то ушел, а я остался его ждать. Прошло более часа, а сослуживца нет и нет.

«Что я жду? Пойду, пожалуй, назад да завалюсь в стог сена и отоплюсь наконец, а утром успею к самолету», – подумал я и пошел.

Сенокосная пора была в разгаре, и стога искать особо не пришлось. Выбрал понравившейся и завалился спать...

... Проснулся, когда солнце было уже в зените...

Бежал эти двенадцать километров не щадя ни ног, ни легких. Оставалось каких-то километра два, когда я услышал, а затем и увидел улетающий Ли-2. Рванул к землянкам. Пусто. Только в землянке, где я жил, аккуратно была прислонена к моему голубому чемодану винтовка, а рядом с ними лежали мой матрац и моя шинель. Мы матрацы всегда с собой на новое место «передислоцировали». Их выдавали и меняли редко, а потерять матрац означало спать на голых нарах.

Туда сунулся, сюда. Ни души.

Вот влип-то, и что теперь делать?

Вспоминаю, как холодный пот прошиб меня с головы до ног. Обещал все капониры. Всюду пусто. Оставался последний, самый дальний, в километре от остальных. Поплелся в тяжелых думах туда...

О, мать Божья! Мотор! Мотор от Ил-4! «Бросить его ни как не могли, должны вернуться! За мной не полетят, а вот за мотором непре-

менно вернуться! Скорей в землянку, винтовку в руки. Прикинусь, что приказ получил охранять оставленный двигатель, а кто приказал, не помню, гляди и пронесет!» – обнадёживающая мысль стрелой пронеслась в мозг. Так и сделал.

Набил карманы патронами, которых в землянках хоть ведром черпай, обмотался лентами с патронами, и не один раз.

«Если отстреливаться придется, просто так живым не сдамся», – думал я. От кого отстреливаться, спросите? Да было от кого.

Как-то были отменены очередные полеты. На аэродроме погода была отменной, а вот над целью нелетная. А поэтому и дали отбой. «Илы» наготове, бомбы подвешены, а мы на радостях в соседнюю деревню рванули, которая была километров в четырех-пяти от нас. Возвращаться мне пришлось почему-то в одиночку, уже и не помню почему. На пути оказалась поляна с разбросанными кустами, залитая лунным светом. Неожиданно очень близко от меня из-за кустов вышли двое. В длинных шинелях без ремней с поднятыми воротниками, на головах натянутые развернутые пилотки, руки в карманах.

«Хоть бы гвоздь в кармане был», – подумал я. Но от неожиданности такой молча прошел между ними, и это их сбило с толку. Да и ангел-хранитель мой тогда начеку был. Пройдя достаточно, я свернул и скрылся за кустами. Они еще долго о чем-то меж собой говорили, но расслышать что-либо я не сумел. Вот от них-то и подобных им я и думал отстреливаться, если они вдруг нагрянут на оставленный аэродром. Хотя чем я сейчас отличался от этих дезертиров? Но у меня была цель – охранять мотор!

В тот капонир я принес свой армейский скарб – чемодан и матрац, а шинель уже была на мне. Решил: если не прилетят за мотором, оденусь во все чистое, сожгу все остальное и подамся на станцию Спирово, откуда нам бомбы и горючее доставляли, признаюсь во всем, а там что будет, то и будет. Где эта станция находится, я даже не представлял, только казалось мне, что идти нужно куда-то на восток.

Уже вечерело, когда я услышал столь знакомый и долгожданный гул двигателей Ли-2. Сердце заколотилось неистово. Точно, вот и он, заходит на посадку и подруливает к «моему» капониру. Выходят служивые, я их никогда не видел. Почему-то они на меня никакого внимания не обратили. Как будто так оно и должно быть – вот мотор, а вот охранник при нем. Но когда возник вопрос, как загружать 670-килограммовый двигатель во чрево самолета, я инициативу взял в свои руки, предложив использовать бревна капонира как направляющие, по которым можно перекантовать мотор. Они с этим согласились, и я

не задумываясь закинул свои пожитки в самолет и принял самое бурное участие в загрузке мотора.

Взлетели. Так как взлетали против ветра, летчик дал круг, ложась на курс.

Куда летим, я даже боялся спросить. Лишь бы отсюда, лишь бы быть среди своих. Летели часа три, начали снижаться. Я к окну. О, мать Божья, что я вижу?! Хвостовые номера на «Илах»! Свои, родные, красной краской выведенные с белой окантовкой! Все, я дома! Выскочил пулей, схватив чемодан и матрац. Быстро нашел своих. И нос к носу столкнулся с Дейнеко. Мы молча прошли мимо друг друга, не обронив ни единого слова. Конечно, не обнаружив меня, это он поспособствовал, чтобы по-тихому оставили мои вещи и винтовку. А что он мог бы сделать? Лишь только объявить, что я исчез? А так дал мне какой-то шанс, которым, благодаря моим товарищам, и, видать, моему ангелу-хранителю, я и воспользовался.

Это была задача на сообразительность для меня, составленная ребятами, когда они перед отлетом поняли, что дожидаться меня им не суждено. Начальство меня не спохватилось за это время, скорей всего было весьма занято передислокацией и обустройством полка. Вот так я невольно, по глупости своей чуть не стал дезертиром.

108-й Рижский Краснознаменный. Желудок**ТЯЖЕЛЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ МЕСТЕЧКА ЖЕЛУДОК**

В Желудке нас, технарей, не сразу определили на постоянное место проживания. Сначала выделили под жилье верхний этаж местной синагоги, которая после ухода фашистов осталась без окон и дверей и вообще имела удручающий вид. Было начало осени, и поэтому пребывание в таком открытом для сквозняков и ночной прохлады здании некоторое время было еще терпимо.

Но ночи становились холодней, и пока готовились землянки вблизи летного поля, нам дали возможность обустроиться в одном из классов местной школы. И мы рванули со своим незамысловатым скарбом, состоящим из матраца да чемодана, как у меня, или вещмешка, занимать лучшие места. Я первым влетел в класс...

Четыре гроба. Покойники как «студенистые мешки», фиолетовые от удара...

Я пулей выскочил из школы и долго не мог перевести дух.

...Их сбили на подлете к дому. На обратном пути фриц, выдавая себя за своего, довел жертву чуть ли не до аэродрома, а затем расстрелял ее в спину. Выпрыгнули, но высота в сто метров не позволила воспользоваться парашютами. Двое из них даже не дернули кольца, у двоих других парашюты только лишь выпали из ранцев, и то, скорей всего, уже на земле.

Потом нам сказали, что злодея сбили наши зенитчики. Ну, от этого, честно сказать, легче не стало. Впечатление осталось на всю жизнь.

Чем западнее нас передислоцировали, тем все чаще и чаще мы сталкивались с результатами фашистских зверств. Вот и Желудок ославился массовым расстрелом местных евреев. Жители рассказывали: когда евреев согнали у синагоги и погнали за город, они поняли, что их ожидает. Женщины заголосили, дети заплакали, мужчины зароптали. Все слилось в единый безысходный человеческий вой. Но главный из них, бородатый пожилой еврей, что-то гаркнул соплеменникам на своем, зло и властно, и толпа затихла. А затем раздалась песня-молитва, подхваченная всеми евреями. Печальная и безысходная. Смирились евреи. Нет, не перед палачами, а перед судьбой своей. Гордо и с достоинством. Их расстреляли за городом, потом еще три дня земля шевелилась, где их захоронили.

КИРЗОВЫЕ САПОГИ ОТ ГЕНЕРАЛА ФЕДОРОВА

Шло время, приближалась зима. Полк наш добросовестно выполнял поставленные командованием боевые задачи, что не осталось незамеченным, и к ноябрю 44-го нашему 108-му авиаполку дальнего действия присвоили наименование «Рижский» и наградили орденом Красного Знамени за участие в освобождении Риги.

Но, невзирая на наш повседневный труд во благо ратных дел полка нашего, мы, технари, обносились изрядно, и на вид наш жалкий никто из начальства не обращал никакого внимания. Взять хотя бы мои белые лосевые ботинки, на три размера больше, чем мне требовалось, в которые обули меня еще в Челябинской школе военных авиамехаников. Они у меня давно разлезлись, а подошву я прикручивал уже проволокой. Да и обмотки давно вышли из «армейской моды», придавали мне не совсем уставной вид бойца Красной Армии. И по поводу этому и вспоминается следующий случай, когда я второй раз получил от генерала Федорова подарок – новые кирзовые сапоги. Тогда мы всем полком их от него получили, а дело было так.

Ближе к зиме 1944 года ожидалась инспекционная поездка генерал-майора Федорова в 108-й Рижский Краснознаменный авиаполк дальнего действия. Генерала ожидали на аэродроме. Но в указанный день он не прибыл. А в землянке, где мы обитали, вынужденно дневали механик Сашка Гераськин. Москвич и парень, прямо сказать, интеллектом не обделенный, артист от природы. У него попросту не было... обуви. А в момент, когда ожидали генерала Федорова, по землянкам техперсонала делали обход начальник особого отдела и начальник разведки – майор Кучер и майор Керелюк. О чем Сашка Гераськин по их голосам и догадался.

Ему не очень хотелось общаться с майорами. Так и жди от них какой-либо пакости. Слыша, что и до него сейчас дойдет очередь, он не мешкая запалил стоящую возле входа металлическую печь, бросил в нее горсть пироксилиновых патронов и, не закрыв в печке дверцу, шмыгнул за неё. Заорал:

– Товарищ майор, дневальный старший сержант Гераськин...

В этот момент, в землянку на приветствие вваливаются Кучер и Керелюк. От взрывов патронов на них обрушивается шквал старого пепла и сажки. Майоры только и успели выскочить наружу.

– Гераськин, прекратите безобразие!

Куда уж тут! Пока все патроны не выполнили предназначенную роль, грохот не закончился. Гераськин, весь в сажке и босиком, пред-

стал перед офицерами с недоуменным и ошарашенным видом:

– Ничего не знаю, ни о чем не ведаю. Вот, готовился к прибытию генерал-майора Федорова, а кто-то капсюлей в печку набросал.

– Гераськин, привести помещение в надлежащий вид!

Ну и что требовалось!

– Есть привести помещение в надлежащий вид!

Чуть погодя приходим мы, постояльцы землянки. Сашка, в своем ампула, рассказывает о происшедшем. Мы покатываемся от хохота. На его просьбу помочь с уборкой откликнулись все. Через полчаса землянка была готова к принятию высокого инспектирующего, который и не замедлил явиться на следующий день. Именно в эту землянку. И встретил генерал-майора опять-таки босой механик Гераськин.

Старший сержант, соскочив с места, рапортовал:

– Товарищ генерал-майор, дневальный старший сержант Гераськин... – Затем пошатнулся, и, не закончив рапорт, присел на подкопившихся ногах на скамейку, понутив голову.

– Что с вами, Гераськин?

– Извините, товарищ генерал-майор! – опять неуверенно вставая, молвил старший сержант. – Обессилел. Три дня как ничего не ел!

– Почему, Гераськин?

– Сам не могу, так как обуви у меня нет, чтоб в столовую идти, – рукой показывая на босые ноги. – А другие принести пожрать догадаться не могут.

– А обуви почему нет?

– Сносилась, товарищ генерал-майор, а новую не выдают, нормы, видите ли...

– Дневальных сюда, живо!

Сопровождающий генерала офицер вмиг исчез. В землянку влетают несколько сержантов, дневаливших в соседних землянках.

– Марш в столовую и скажите, что генерал-майор Федоров приказал принести ему обед. Да пусть не скупятся. Выполнять!

Пройдясь по землянке, генерал обнаружил на выходе большой фанерный ящик. Приоткрыл его крышку, пахнуло чем-то прелым и неприятным.

– Гераськин, что это?

– Это, товарищ генерал-майор, наш всесоюзный портсигар! Моршанские труженики тыла снабжают нас махоркой, а излишки мы сюда складуруем для нужд курящих.

Мало кто осмеливался курить моршанскую махорку из-за низкого ее качества. Вечно она была сырой, прелой и гнилой.

– Ну-ну... – только и проговорил генерал.

Обед принесли быстро. Полные котелки из офицерской столовой.

– Ешь, Гераськин, ешь, не стесняйся.

Гераськин навалился на генеральский обед. Ел жадно, быстро, причмокивая.

– Ешь, Гераськин, ешь. Но не забывай, ты это мой обед ешь!

И чуть погодя:

– Гераськин, а вошки-то есть?

– А как же, вот, товарищ генерал-майор! – Быстрым движением достает из-за уха якобы вошь и, имитируя щелчком пальцев звук раздавленного паразита, вытирает об штаны руку.

– Дневальные, марш в штаб и скажите, что генерал-майор Федоров приказал через 40 минут собрать личный состав на построение. Выполнять!

Отдав приказание, сказал:

– Ты, Гераськин, хоть и босиком, тебя это тоже касается. Как поешь, быстро на построение!

Резко встал и вышел.

Личный состав 108-го Рижского Краснознаменного авиаполка дальнего действия был построен. Генерал-майор молча обошел строй. Видно было, что он не просто недоволен. Поманив пальцем майоринтенданта, он сквозь зубы, но достаточно громко, чтобы все слышали, приказал:

– ... мать твою, чтоб через два часа полк был обут. Не выполнишь, в штрафную упеку! Вы-пол-нять!

Майора как ветром сдуло. Правда, досталось и командиру полка Родионову Ивану Васильевичу, который в полку был в почете.

Меньше чем через два часа прикатила полуторка с сапогами. Полк был обут в новые сапоги. Наконец я расстался со своими лосевыми белыми ботинками. К сапогам прилагалась дополнительная пара байковых портянок. Да, это был праздник! А вечером Сашка Гераськин рассказывал, как его кормил генерал Федоров и как он давил перед ним вошь. Смеялись до упаду. Что и говорить – такая разрядка сделала свое доброе дело.

ПОД БОМБОВЫМ УДАРОМ

42-й и 108-й авиаполки старались базировать рядом. И в местечке Желудок они расположились на расстоянии взгляда. И вот однажды (это случилось скорее осенью 44-го, чем весной 45-го) был теплый день. Мы с группой технарей шли с обеда, когда услышали взрыв стокилограммовой авиационной бомбы со стороны 42-го авиаполка, который к тому времени был уже переименован в 28-й гвардейский Смоленский Краснознаменный авиационный полк дальнего действия. От греха подальше мигом все прильнули к земле. Разрывы происходили четко через определенный промежуток времени. Последовательно разорвались следующие девять бомб по 100 кг, а затем две по 250 кг.

Все стихло. Мы соскочили с земли, видим, как двое «галопом» бегут к лесу. Техники старшина Священко и лейтенант Гусев, выхватив личное оружие, рванули за ними, предполагая, что это диверсанты. А я и оставшиеся сослуживцы, заскочив на крылья соседних «Илов», стоим и спорим, догонят они их или не догонят. Я, вспоминая каждый раз этот эпизод, не удерживаюсь от смеха. Тимка Гусев, высокий и худой, и Священко, низенький и круглый, бежали наперегонки, кто скорей из них поймает диверсантов. Уже ближе к лесу беглецов настигли. Встали они вчетвером, о чем-то разговаривают. Потом те двое пошли туда, откуда дали деру, а Гусев и Священко направились назад к нам. Оказывается, это были молодые стажеры из 42-го полка, и это был их первый день стажировки. Ребята не ожидали такого бурного приема, ну и нервы у них сдали. А случилось следующее.

То ли были отменены полеты в 42-м полку, то ли изменили боевое задание и необходимо было заменить один вид бомб на другой. Это уже частности. Но чтобы не разгружать бомбы как положено, что требовало определенных физических усилий, механик 42-го авиаполка, не раз уже такое проделывавший, в обеденный перерыв, когда вокруг никого не было, сбросил бомбы на землю. Ну и... осталась от него одна ладошка, прилепившаяся к хвосту отдаленного самолета, и жалкие остатки от разгруженного таким способом «Ила».

А буквально через некоторое время, недели через две после случившегося, механик-оружейник Лешка Вереин и техник с соседнего «Ила» в звании лейтенанта, которого за небольшой рост, полноту и манеру быстро разговаривать ребята окрестили прозвищем Тиль-Тиль, копались в моем самолете по своим служебным надобностям.

Я находился под бомболоюком. Присев на баллон со сжатым воздухом, подавал его кому-то из них двоих, открывая и закрывая на

баллоне вентиль по их команде. К этому же баллону в метре от меня был прислонен дюралевый люк, снятый с двигателя. Неожиданно с металлическим скрежетом подо мной содрогнулась земля. Повернув голову на звук, я замер. Стокилограммовая бомба, скользя по краю баллона и прорубив дюралевый люк, засела в земле. Как вспоминается теперь, я даже не успел напугаться, только недоумевал, почему бомба не взрывается. Но и шевельнуться не смел. Наступило какое-то оцепенение. Нет, картинка моей жизни не пролетала в моем сознании, только одно... почему она не взрывается? Техник, поняв, что произошло, моментально покинул машину и с воплем бросился в штаб. Оказалось, что Вереин случайно задел пусковой механизм сброса бомб и одна из них и воткнулась возле меня. Очень быстро мой «Ил» окружили люди, правда, на должном расстоянии. Подогнали пожарную машину. Откатили соседние самолеты. А я продолжал сидеть на том же месте, озираясь по сторонам. Но почему-то никто не давал мне команду покинуть опасное место. А сам я сделать это не решался. Видать, держали меня до конца, как талисман от взрыва. Наконец откатили и мой «Ил». И я с чувством выполненного долга, что не дал взорваться бомбе, покинул злополучное место. Пожарники, размыв напором воды грунт под бомбой, уложили ее на бок.

ЦЕНА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ БЕСПЕЧНОСТИ

Экипаж моей «восьмерки» дрался на славу и отлично справлялся с возложенными на него задачами, привозил классные снимки с ночных бомбардировок.

Командир «восьмерки» Паша Горинов и его штурман Валя Селезнев были высококлассными спецами летного дела. Выглядели они высокими молодцами, всегда подтянутыми офицерами и с нами, технарями, были весьма просты и доброжелательны в общении. Валя Селезнев поражал нас своим умением определять время по звездам с малой погрешностью плюс-минус пять минут. Стрелок-радист ленинградец Пашка Кармашев, радист от Бога, мог одновременно передавать или принимать сигнал и еще о чем-то с тобой говорить абсолютно на посторонние темы. А балаболить он был мастак. Мы его байками заслушивались. Он был нам вместо кино. Сочинял на ходу, рассказывал на серьезе, в фантазии неистощим. То папанинцев он с льдины снимал, то японских шпионов в тайге ловил... И все в таком же духе. Правда, водились за ним, как, впрочем, за всяким из нас,

мелкие грешки. Только узкий круг друзей знал, что Паша не прочь был выпить, но выпившим его никто и никогда из посторонних не видел. Но я знал, что Паша для этой цели мог без спроса позаимствовать чужую вещь. Но потом всегда наедине с пострадавшим признавался в содеянном. Обещал все вернуть. И, благодаря подвешенному языку, доставал заимствованное в закромах интендантских заначек, отдавал долг в полном объеме и в оговоренные сроки. И поэтому все было «шито и крыто». И обид на него никто не держал. А что касается стрелка моего экипажа Прудникова Васи, я его помню как скромного, немногословного парня.

За ратный труд на Горинова Павла и Селезнева Валентина начали готовить документы на присвоение им звания Героев Советского Союза. Ребята с соседних машин шутя советовали нам также готовить дырочки на парадных гимнастерках для орденов.

Но надо же случиться такой напасти, что о золотых медалях и орденах пришлось забыть навсегда. А случилось следующее.

Проводились учебные полеты. Мой экипаж, правда на другой машине, также участвовал в этой злополучной затее. В этот учебный полет напросился механик по приборам Тимонин Сашка, и это был его первый полет на боевой машине. Надо думать, что пережил потом этот парень! Я до сих пор недоумеваю, почему никто не обратил внимания на зафиксированные рули высоты. Самолет чуть ли не через весь аэродром выруливал на взлет, и Горинов рапортовал, что к взлету готов, и выпускающий дал отмашку, но... Видать, судьбой так было уготовлено. Это потом выяснили, что на трубочине, заклинившей руль высоты, не было красного флажка-вымпела, визуального раздражителя. Машина поднялась на первые двести-триста метров, а «отдышаться» ей не дали. Ил-4 имел свойство набирать высоту постепенно, как бы ступенями. Благодаря умению пилота и аэродинамическим характеристикам самолета, машина плюхнулась на брюхо. Отделались легкими ушибами. Покинули машину и сразу все поняли. Сдуру взяли и забросили эту злополучную трубочину подальше от самолета, а не то чтоб каблуком сапога засадить ее поглубже в землю, ищи потом... Ну а особый отдел тут как тут. Быстро трубочину нашел и виновника определил. Так Горинов Паша вместо Героя Советского Союза получил два года условно.

Вот так простая деревянная трубочина, а попросту чурка, на которой не было красного лоскутка, повлияла на судьбу Пашки Горинова. Не проверил он тогда эти рули, что по инструкции обязан был сделать. По банальной беспечности своей. Не ожидал такого подвоха,

подзабыл, что не его это «Ил». Чужой. И полетело все вверх тормашками – и военная карьера летчика, и судьба его, да прихватив еще и судьбы боевых товарищей.

Но хочется отметить, что Паша Горинов и Валя Селезнев стали участниками Парада Победы. Это факт. А самолет отремонтировали, гнутые винты заменили, подкрасили, и он, как и прежде, стал летать.

А вот вам другой пример. Пример уже преступной халатности.

Когда случился дефицит моторного масла в нашем полку, то приказали технарям фильтровать отработанное масло. Фильтровали через войлок, засоряя очищаемое масло еще и войлочным ворсом. Но заливать его приказано было строго через мелкое металлическое сито, чтобы собрать весь мусор. И надо же такому случиться, что один из «Илов» эскадрильи Новожилова грохнулся во время этого дефицита в озеро за линией фронта на обратном пути после бомбежки в результате заклинивания обоих двигателей. Когда немцев прогнали с тех мест через полгода, самолет из озера достали и выяснили, что двигатели были заклинены в результате забивки маслофильтров войлочным ворсом. Значит, отфильтрованное масло заливали без сита.

С того экипажа остался в живых только стрелок – сержант Татарашвили, который и поведал о случившемся. Этому парню весьма везло, какие бы испытания ни преподносила ему судьба. Он горел в сбитом самолете, но вовремя покинул его, а когда пробирался по немецким тылам к линии фронта, чуть не попал в плен, уложив при этом пару фрицев из личного оружия. И теперь, поздней осенью, он единственный из экипажа спасся, выплыв в зимнем обмундировании на берег того злополучного озера. Ну а техника и механика с той машины отправили незамедлительно в штрафбат. И я, будучи уже техником после войны, не миновал испытания этой пресловутой человеческой беспечностью при исполнении своих прямых служебных обязанностей. Но об этом впереди.

И вот наступил 1945 год. Где-то ближе к весне нас перебросили в Польшу, в местечко Мензыжец, где километрах в десяти от селения еще недавно располагался немецкий аэродром. Как вы понимаете, это была особая весна.

Польша. Мензыжец

ВЕСНА 45-ГО

Уже к концу 44-го наш полк в очередной раз был переименован – в 108-й бомбардировочный Рижский Краснознаменный авиационный полк. Но это никак не отразилось на службе технарей. Как летали наши «Илы» в ночь бомбить фашистские цели, так и продолжали это делать вплоть до Победы. Ну а мы, технари, всю старались поддерживать максимальную техническую готовность наших боевых машин, в чем, видать, и преуспели.

На новом месте, в большой и длинной землянке возле летного поля, были расквартированы не только сержантский и рядовой состав, но и техники и инженеры. Отгородили в ней помещения для технарей каждой эскадрильи и отдельно место для офицеров технических служб. Отдельную землянку заняли женщины, служившие в нашем полку; их было немного, пятеро девчат. А летный состав со штабом полка обосновались в двух щитовых домах, оставшихся от немцев в целости и сохранности, на противоположном краю аэродрома. Только на этом аэродроме не было бетонных взлетных полос. Поэтому взрывать немцам было нечего, они спешно и дали деру с насиженных мест.

С этого аэродрома наш полк наносил удары по Кенигсбергу, порой производя по два вылета за ночь, что до этого было весьма редко. До целей было рукой подать. Летали и на Берлин, бомбили Свинемюнде. Мы чувствовали, что война заканчивается. Это чувство сливалось с ощущением весны, и напряжение от ожидания чего-то необычного и такого желанного нарастало с каждым днем. Но война есть война. Она, к сожалению, пока продолжалась.

Экипажи в наших полках, по какому-то негласному принципу, всегда формировали из летчиков и штурманов приблизительно одного роста. Так вот, летчик Воробьев и его штурман Мышкин из нашей эскадрильи были небольшого росточка. Так и Новожилов, командир нашей эскадрильи, ростом был невысок, и его штурманы были ему под стать. Милавин и его штурман из 42-го полка были высокими, и Паша Горинов и Валя Селезнев были весьма приметными молодцами. Новожилову даже под парашют в кресло летчика специально подстелили сложенный чехол из-под мотора. И он начинал взлетать не через обзор своей кабины, так как она была задрана при этом кверху, а в прицел щели в приборной доске, которая отделяла летчика от штурмана. То есть через обзор его фонаря. Ну, это к слову.

Случилось так, что при очередном взлете летчику Воробьеву почему-то в этот раз не хватило взлетной полосы. И поэтому и произошел казус, который в авиации принято называть «полный капот». Шасси резко ушли в мягкий грунт, и машина, загруженная до отказа, перевернулась на глазах у всех. В этот момент молодой штурман, впервые вылетевший на контрольное задание со штурманом Мышкиным, решил покинуть терпящую бедствие машину, и его смертельно придавило. Не дергался бы ты, «малый», остался бы живым... Видать, такова его судьба... Да и летчику досталось. Пока не вырубил топорами боковину его кабины, его рука была придавлена к штурвалу. И любые попытки как-то слегка приподнять машину, чтобы освободить летчика, касаясь подвижных рулевых плоскостей, приводили к тому, что он испытывал нечеловеческие муки.

Когда все это произошло, мы рванули к месту происшествия. Кто на чем. Но, как я помню, стройная такая медсестра, со здоровенной сумкой с красным крестом через плечо, на высоких каблуках, бегом по летному полю... летела к пострадавшим. Но никто, ни пожарники на машине (откуда они только взялись?), ни «санитарка» ее родная, ни другие, спешащие на помощь на машинах, так и не догадались хотя бы на подножке подбросить медсестру к месту катастрофы. Но комичное при этом было то, что навстречу нам от пострадавшего самолета бежал почему-то стрелок, грузин, причитая на свою несчастливую судьбу. Несчастливая? Не сомневаемся даже, счастливая, генацвале, и даже очень! Как-никак, ты герой! Горел, даже фрицев к прародителям отправил, тонул и вот даже переворачивался, и остался назло всем чертям живым и невредимым! Это был опять все тот же всегда везучий сержант Татарашвили!

Хотя война катилась к неминуемому концу, потери наш полк все-таки нес. С боевого задания не вернулся экипаж Героя Советского Союза Петра Романова. Я помню, как в этот полет его провожали друзья-товарищи, поздравляя с трехсотым его боевым вылетом, расплываясь в улыбках, жали ему руку и хлопали по плечу.

ДЕВЯТОЕ МАЯ СОРОК ПЯТОГО

Наступил май. Наши смершевцы получили информацию о готовившемся нападении на наш аэродром бандеровцев. Вокруг аэродрома были срочно выкопаны отдельные окопы, и нам выдали оружие. Мне досталась десятизарядная винтовка СВТ. Первое мое оружие за все

годы предыдущей службы. Мы по два часа каждый день несли теперь в этих окопах караульную службу, наравне с мотористами, ожидая обещанного нападения.

8 мая 1945 года, как всегда, ближе к ночи наши «Илы» в полной боевой готовности ждали команды подняться в ночное небо. Сумерки над летным полем осветила белая ракета. Это команда призывала всем сверить часы. Ждем следующую, зеленую, чтобы запускать двигатели. Время идет. Экипажи и мы пребываем в предвзлетном напряжении. Через некоторое время ночное небо озаряет красная ракета. Это команда означает временно воздержаться. Между нами, технарями, прошел легкий шумок, дескать, баста, мужики, войне конец! Ждем. Напряжение растет. Две красные ракеты. Это команда «отбой». Случалось иногда такое, ничего тут удивительного не было. Отбой так отбой. Может, цели поменяли, а новых командование не определило, а может, над целями нелетная погода. Нам, технарям, в эту стратегию вход заказан, у нас и своих забот выше крыши – чтобы эта стратегия могла технически осуществиться. Экипажи покидают машины, направляются к себе в общежитие. Мы также пошли к себе в землянку. Ночных бдений не будет, и это радовало, так как «Илы» к полету были готовы. И нам ничего не оставалось делать, как идти спать.

От усталости быстро уснули. Только один старший лейтенант Попов, инженер полка по радио и приборам, что-то чувствовал, не спал, а крутил и крутил рукоятку своей рации, ища нужную волну в надежде первым узнать потрясающую и столь долгожданную весть. И нашел. Было уже два часа ночи 9 мая 1945 года. Ворвался почему-то к нам, технарям, заорал, что мочи было:

– Встать всем! Война кончилась! Германия капитулировала! Только что по радио сообщили!

О! Что тут началось! Мы соскочили со своих лежаков, бросились на улицу с дикими воплями радости. Я в портках рванул в землянку к девочкам:

– Девки, подъем! Война кончилась!

Они от крика моего соскочили. Опешили. Молчат. На меня смотрят.

– Все! Война кончилась! Попов только что по радио услышал! – уже тихо повторил я.

Наконец до них дошло. Они разом присели на постели, видать, ноги держать отказались от новости такой, и заголосили. По-бабьи, с каким-то надрывом. Теперь я опешил. Потом бросились ко мне. Все в слезах, голося. Кто-то трясущимися руками, расплескивая, наливает полную кружку спирта и протягивает мне, мол, пей, пей до дна, за Победу. Я,

наверное, первым в полку за Победу тогда выпил, залпом и до дна. И этим до сих пор горжусь. Но, что удивительно, я, по натуре непьющий, тогда даже ни на грамм не захмелел. Весь спирт эмоции спалили.

Народ служивый с оружием, ранее выданным для отражения бандеровцев, в эйфории победной к оружейному складу рванул. Старший по складу, чтобы ворота не снесли, сам склад открыл и ящики с патронами всем желающим выдал. И тут началось. Патроны вперемешку – простые, трассирующие, разрывные, зажигательные. Стрельба невероятная, крики наши слились в один сплошной восторженный рев.

А на противоположном краю аэродрома командиры наши, летный состав, ничего понять не могут. Тоже все на улицу выскочили, за оружие схватились, думая, что ожидаемый налет националистического отребья наконец-то свершился. На помощь и чтоб командование обороной на себя взять, по летному полю к нам побежали.

А мы в небо пуляем, прыгаем как сумасшедшие, кричим в диком восторге, глаза наши огнем сверкают, и лица от радости лопнуть готовы. Какое тут нападение!

– Прекратить! Немедленно прекратить! – орут в недоумении штабные.

Да кто вас слушать теперь-то будет?! ПОБЕДА! КОНЕЦ ВОЙНЕ!

Наконец, осознавая, что же все-таки произошло и, поддавшись всеобщему ликованию, офицеры выхватывают личное оружие и тоже начинают стрелять в воздух. Оружие наше начало заклинивать от интенсивной пальбы. Накалилось докрасна. Мы его побросали. И взялись за ракетницы. Интересная картина наблюдалась. Как-то все разом разбились на тройки. Один тащит ящик с ракетами, а двое других этот ящик от ракет опустошают.

Так вот, до утра и праздновали мы Победу. А только рассвело, мы увидели, что лес вокруг нашего аэродрома голый стоит. Всю листву, ветки мелкие и крупные мы стрельбой своей посшибали. Стрельбу прекратили, да и боеприпасы уже закончились. И разбрелись мы тогда кто куда, по близлежащим польским селам.

Три дня нас собирали, никак собрать не могли. Одни приходят, другие уходят. Ну, бардак же тогда случился! Командиры наши с ног сбились, не могут никак порядок в полку навести. Тогда на хитрость пошли. Столовую на летном поле на открытом воздухе развернули и офицеров к столам приставили. Только кто приходит, сразу за стол и ни шагу куда-либо. Наконец, полк собрали. Как положено, командиры и политработники победные речи толкнули за Сталина, за Родину, за Победу. Вспомнили и тех, кто не дожил до этого светлого дня. Митинг за столом закончился полноценным обедом, даже по сто грамм

налито было, но ребята уже и так успели хорошенько опустошить спиртные запасы польских крестьян.

Мы целый месяц практически ничего тогда не делали. За это время многие демобилизовались. В первую очередь девчата. Помню их имена, а вот фамилии не всех. Люба Плюсна, Люба Юфирева, Зоя Яровикова и Маша Шейгина. Они были мотористами. Железо моторное ворочали наравне с мужиками. А Женя, фамилию ее не помню, она при штабе служила, бумажной волокитой занималась, тем самым руки инженерам развязывала для дел праведных.

Затем многие ребята поехали домой мирную жизнь налаживать. А Паша Горинов и Валя Селезнев были вызваны в Москву на Парад Победы. Подбирали для данного исторического мероприятия высоких и стройных молодых, какими и были эти ребята. Да и боевые заслуги у них были весомыми, правда по достоинству так и не оцененными.

НЕПРОШЕННЫЕ ГОСТИ ПАНА ПОЛЯКА

Еще ранней весной, когда леса голыми стояли, а земля черной как смола была, я, Петька Анохин и Мишка Давыдов как-то на досуге округу обследовали. И на глаза нам попала польская деревушка. С высоты бугра каждый двор просматривался. И вот на одном огороде заметили, что он полон ульев был. Обрадовались этому и решили при удобном случае: когда будет сбор меда, обязательно на этот двор наведаемся и меда от пуза наедемся.

И когда этот майский месяц, полный счастья и безделья, к концу подходил, мы и вспомнили о меде. На бугор поднялись и деревушку эту не узнали. Она вся в пышной зелени была. Вошли в деревню, приблизительно к тому двору, где якобы нас мед ждал. Дом крестьянский. В окне крест деревянный стоит. Переглянулись. Может, у людей несчастье, хоронят кого-то? А тут мы явились, не запылились! Помялись, помялись, осмелели и зашли. Встретил нас пан поляк.

- Дзен добры, пан!
- Дзен добры, панови!
- Бимбер маешь?
- Поль бутелек маю.

В то время полбутылки самогона было чуть ли не в каждом польском доме, дабы откупиться от солдат наших, и не особо жадными показаться, и мало-мальски гостеприимными быть.

- Добже пан! Давай свои поль бутелек!

Пришлось пану пригласить нас за стол и выставить самогон и незамысловатую закуску. К трем стаканам, которые пан поставил на стол, мы потребовали поставить и четвертый, для пана, значит. Тот сопротивляться не стал. Разлили самогон, выпили. Чем-то закусили. Разговор начался. Пчелами он, оказывается, не занимается. Это там, по другую улицу и у другого пана. Нам явно показалось мало выпитого, и мы достали уже свою бутылку спирта, приготовленную для обмена на мед. Опять разлили. Выдохнули, выпили. И ума нам не хватило предупредить пана, что спирт это голимый, а не самогон, ему привычный. Глотнул бедолага, глаза вытарацил, воздух ртом хватает. Вскочил на ноги, руками замахал, зацепиться за что-то хочет или огонь внутри себя погасить. Ох! Тут мы, конечно, засуетились, воды ему скорей поднесли. Жадно пан пить начал. Потом присел, видать, полегчало. Слезы с лица вытер. Головой качает, потом засмеялся.

Мы начали извиняться в три голоса, дескать, прости нас, пан, мы это без всякого злого умысла.

– Добже, добже панови!

Еще наливали и выпивали, пока спирт не кончился. И пан с нами. Захмелел. Разговорился. Потом требует, чтоб мы встали и пошли с ним в другую комнату, которая закрыта была. Распахнул он дверь, а там стол большой всякими яствами деревенскими накрыт. Оказывается, в той деревне какой-то католический праздник намечался и он гостей ждал. Пригласил за стол. Мы смутились, дескать, нет, пора нам, пан, в следующий раз как-нибудь зайдем. Тут пан в шкаф полез, и в руках его Георгиевский крест покрасовался. Мол, я тоже солдат, за Россию в Первую мировую воевал, против заклятых швабов. Садитесь, мол, за стол, а то обижусь. Пришлось сесть, но мы скромно себя повели, чуток поели, поблагодарили хозяина за угощение и были таковы. Потом еще разочек к нему заходили, но за бимбер его золотыми расплатились исправно. Нам помимо денежного довольствия, которое на сберкнижку сразу переводили, еще по 100 польских золотых выдавали, для нужд наших бытовых. А золотым нашим пан рад был, видать в деревне этой они в дефиците были. Ну а кресты Георгиевские у поляков мы видели не раз. Польша в царское время в состав Российской империи входила, и поляки с доблестью выполняли воинский долг, за что и жаловали их этой славной наградой.

А в конце июня наш полк перелетел в польский городок Бяла-Подляска, что восточней Мензыжеца располагался.

Польша. Бяла-Подляска

ДВА ВЫСТРЕЛА В НОЧИ

В Бяла-Подляске немцы основательный аэродром имели. Взлетные полосы, рулежные дорожки, а также стоянки для самолетов бетонными были. Но при отходе они, как всегда, с пунктуальной немецкой прилежностью их в шахматном порядке взорвали и непригодными для использования сделали.

Наша рота аэродромного обслуживания глубоко и искренне «начала» на эти немецкие выходы, укатала катками взлетные полосы параллельно разрушенным, согласно техническим требованиям по длине, ширине и плотности.

А аэродром этот как раз за городом был, и на службу мы строем ходили. Часть от городского магистрата, на втором этаже которого в большой комнате и были расквартированы технари нашей эскадрильи. А другая часть – от трехэтажного Русского дома, оставшегося от крупного русского купца. В нем расположились технари других эскадрилий нашего полка.

И началась наша служба заново. Дневные и ночные, но уже учебные полеты осуществлялись чуть ли не ежедневно. Тогда мы в Польше по договору находились, имели некий статус противовеса в сдерживании прыти недавних союзничков, готовых прибрать Польшу к своим рукам.

Но что радовало нас, так это свободные вечера, которых становилось немало, и каждый из нас их использовал по-разному.

С окончанием войны служивый народ мирную жизнь стал вспоминать, кем он до войны был и чем занимался. И выяснилось, что в 108-м полку на тот момент оказалось очень много профессиональных музыкантов, как из летного состава, так и из технарей. А время свободное как появилось, так тяга к творчеству у людей аж зашкаливать стала. Видя такое дело, командир полка Родионов Иван Васильевич экспедицию в Германию снарядил. И ребята постарались: много отличных музыкальных инструментов в полк привезли. Аккордеоны, саксофоны, разные там трубы. И главное, здоровенную пачку нот с джазовой музыкой. Рьяно взялись за дело, сыгрались быстро и отменно.

Многие из нас уже по вечерам никуда бродить не желали, а скорей спешили в клуб джаз слушать. Между полками начали конкурсы проводить. И нашу «джаз-банду» в первый раз с треском провалили. Нет, в мастерстве они, как оказалось, выше всех на голову стояли. А вот произведения, исполняемые ими, не советскими, оказывается, были, а оттуда... с Запада, значит.

Смекнули ребята, в чем дело, ну и выкрутились моментом. Взяли и переименовали все композиции в угоду идеологическим комиссиям. Вместо закордонных названий там всяким румбам и блюзам свои придумали: «Привет из колхоза «Красный ударник» или типа «Слезы радости боевой подруги». И все в том же духе.

Так без первых призов уже ребята в полк не приезжали. И вот на одном таком концерте рядом со мной слушала джаз польская девушка, с которой я и познакомился. Совсем она и не полькой оказалась. Мать ее русская, а отец белорус, но польским коммунистом оказался. Русский она знала, но говорила, как и отец ее, с типичным для тех мест акцентом. Видать, уже долго в Польше жили.

Концерт в клубе закончился, но музыканты за клубом продолжение всегда устраивали для польских жителей. Там сквер был, и «зажигали» ребята по полной. От души, можно сказать. Стемнело, и народ довольный нехотя домой стал расходиться. А я вызвался эту девушку до дома проводить. Ее звали Женей, а фамилия ее Демидович. Дома у нее мы чай попили, и я отправился к себе в магистрат. А до этого на одного из наших офицеров, также ближе к ночи, было совершено нападение. Мужичку ногу прострелили. И командиры нам строго-настро-го запретили в темное время суток по одному ходить, только группами. А тут я один домой иду, приказ командования, значит, нарушаю. И вот из темноты двое в плащах навстречу ко мне выходят. Воротники подняты, шляпы на глаза надвинуты, проходим друг возле друга, и не успел я и десяток шагов потом сделать, как слышу свист пуль возле головы, сперва одна, затем вторая пролетает следом. Думать тут некогда было. Метнулся к каменному забору, перелетел через него, затаился. Благо что очень темно было и туманная дымка к тому же по улице стлалась. Отсиделся немного. Тишина. В калитку – и домой пулей.

А утром интерес разбирает, пошел на место нападения. С одной стороны – кладбище. Поляки его в идеальном порядке содержали. Как за своими могилами, так и за нашими должным образом следили. Через дорогу этот забор вижу. Метра два с половиной высотой, а то и выше. Это частный дом оказался. Дай мне мешок денег, я через него отродясь бы специально не перелез. А вчера ночью перемахнул, даже не задумался. О ночном происшествии, конечно, я докладывать не стал. Схлопотал бы тогда по полной.

С творческим рвением некоторых иногда и казусы случались.

Так, испытывали мы очередной дефицит в моторном масле, нам его чистейшим касторовым маслом заменили. Если мы, технари, с вечными мазуто-масляными пятнами на спецовках боролись с помощью

стирки одежды в бензине, то кастровые пятна бензином уже не выводились. Это бич наш в опрятности был, хотя, что тут говорить, при исполнении обязанностей своих мы опрятными сроду не были, и это нам с рук сходило.

На концертах часто выступал старший лейтенант Гринберг, то ли летчик, то ли штурман, уже и не помню. Он исполнял песенки собственного сочинения. И в этот раз принялся петь. По сюжету песни было, что лежат в постели муж с женой, а муж летчик. Слышит храп под кроватью. Заглядывает под нее и видит техника. «Весь в касторке с головы до ног». Это как раз про вышеуказанный момент с дефицитом масла, и мне эти слова четко врезались в память. Одним словом, горе поэт-композитор больше перед личным составом полка не выступал. Освистал его технический люд.

О СОВЕСТЛИВОМ И НАБОЖНОМ ПАНЕ

От местных жителей командованию стали поступать жалобы на мародерство советских солдат. В темное время суток то одного поляка обчистят, то другого разденут, как правило, на улице и внаглую. В Бяла-Подляске не только наша часть стояла, но и сухопутные войска. Да и националисты, одетые в нашу форму, промышляли, зарождая недовольство местного населения нашим братом. И поэтому краснопогонники быстры на расправу были.

Однажды пожаловался поляк, что сапоги с него сняли, хромовые с негнущимся голенищем, в трубочку. Для польских панов они модным атрибутом всегда были. И тут же второй поляк заскакивает в комендатуру, также жалуется, что его советские солдаты до портков раздели. Ну, комендатура мигом «шмон» в Русском доме провела. Выяснили быстро, что одного механика с соседней эскадрильи в этот момент на месте не оказалось. Надавили на ребят, те отвечают, что он к своему технику, товарищу лейтенанту, на квартиру с докладом пошел. Выяснили адрес техника и туда кинулись. Сидят технари за столом, водку попивают, а в углу и сапоги, и шмотки лежат, которые пострадавшие тут же и опознали. «Замели» ребят, на Родину мигом отправили, на лесоповал, значит.

Еще осенью 43-го, когда 108-й полк был передислоцирован под Выдропужск, к моей «восьмерке» был закреплен моторист Васька Хрущев, по прозвищу Никитка. К нему так даже сам командир полка иногда обращался. Но у машины Вася весьма редко бывал, всю войну в

караулах ночных простоял. Что делать, это была обычная практика в тех полках, где я служил. На мотористах караульная служба держалась. А мы, механики, от караульных бдений были освобождены, но обязанности моториста, как правило, со своими техниками делили. И так как прикреплен Вася к нам был, то и в землянках от Выдропужска до Мензыжеца со мной всегда жил. И теперь на втором этаже польского магистрата койки наши рядом стояли. Вася Хрущев одним пороком страдал – он домушником был. Когда дело замышлял, он в себя уходил, только и делал, что в ладонях отвертку полировал. А когда отвертки под рукой не оказывалось, ее собственный указательный палец заменял. В этот момент его ничего нельзя было заставить сделать. Конечно, кроме прямых караульных обязанностей. Да и обострение его порока началось в Бяла-Подляске, а причиной тому оказалось наличие свободного времени.

Сколько раз я говорил Ваське, лежащему на кровати в своей неизменной тельняшке и галифе босиком, после очередного удачно прокрученного дельца:

– Васька, залетишь же ты. Одумайся, пока не поздно!

А в ответ всегда одно и то же от него слышал:

– Мчится по улице черный «Мерседес», а за рулем его интересный мужчина в шляпе по имени Фогельштрапс. Это был Вася Хрущев!

Кто такой этот Фогельштрапс, я до сих пор не знаю, а вот Ваську все же «замели» и дело это чуть расстрелом не кончилось.

А случилось вот что. Были у нас в эскадрилье мотористы, полные тежки, два Володьки Фадеева. Они неразлучны были. А зная, что у Васьки Хрущева всегда деньги водятся, они к нему и липли, как мухи на мед. И куревом у него разжиться можно было, и в кабаке по рюмашке пропустить. Он им, видать, в этом не отказывал. И начали они его подбивать, чтоб магазин один взять, что на углу улицы стоял. Было в нем два отдела: в одном всякими копченостями торговали, а во втором меховые шмотки висели. Долго Вася не соглашался. Его воровская интуиция подсказывала, что дело это дохлое. Да и домушником он был, а не потрошителем магазинов. Но сумели дружки Фадеевы уговорить Васю. Наружнюю дверь без проблем прошел, а вот с дверью, ведущей к мехам, что ни делал, так и не сумел сладить. А светало быстро, уже в три часа ночь в утро превращалась. И наши экипажи летать в три часа ночи тогда начинали.

Остыл Вася. Видит, что не его сегодня день. Говорит поделникам, мол, все, баста, валить пора. Ну, те разгундосились – давай хоть колбасы наберем. Поддался Вася на очередные их уговоры, дверь к колбас-

ному отделу моментом вскрыл. Фадеевы от жадности колбасы нахватили и тут же «ноги сделали». Вася ничего не взял. Не его это профиль – колбасу воровать. И вообще, он никогда не приносил домой ничего постороннего. И денег больших у него при себе никогда не было. Где и куда он все прятал, я даже не знал, да и знать не хотел. Ну а Фадеевы ворованное в свои чемоданы сложили. А «оружейных дел мастер» Дейнеко, известный уже вам, про это как-то пронюхал. А когда хозяин магазина пришел к командованию со своей бедой, то после состоявшегося затем «шмона» по нашим чемоданам и незамедлительного ареста Фадеевых он и заложил Ваську командиру дивизии полковнику Гусарову Николаю Сергеевичу, указав на него как на зачинщика и исполнителя столь гнусного дела.

Арестовали Ваську мигом. Их краснопогонники у себя держали, обмундирование с них сняли и в тряпье непотребное облачили. В жезные, рваные с окопов взятые шинели. Без ремней. В ботинки ношенные-переносные, без шнурков, на босую ногу. В пилотки, которые выкинуть не жалко. В этом «прикиде», выражаясь современным языком внуков моих, мы их и видели, когда через весь город под конвоем в столовую жрать водили. Удручающее зрелище, скажу я вам. А нам сразу сообщили, что за мародерство такое им расстрел светит. Я за Ваську очень переживал, как-никак мы долгое время бок о бок жили. И от предстоящего у меня на душе весьма скверно было.

А водили их мимо того злополучного магазина. Хозяин как раз перед «судом» над ними на крыльцо вышел и увидел этих арестантов. И от людей узнал: кто такие и за что их так. Да и еще поведали ему, что ждет этих «обормотов».

На следующее утро нас рано подняли по тревоге и на транспорте на аэродром повезли. Редкий случай, обычно все пешком. Выстроили на летном поле. Оказывается, нас на суд привезли над Хрущевым Васькой и Фадеевыми. Стоят, оборванные и жалкие, головы поднять боятся, пилотки в руках мнут. Ждут расстрельного приговора, знают уже, что именно этим все и кончится.

Но не успел командир дивизии и рта раскрыть, как увидели все мы, что по летному полю подвода мчится и на ней мужик во весь рост стоит, что-то кричит и рукой свободной машет. Подлетает. Оказался хозяин магазина. Спрыгнул с повозки, фуражку с головы долой сорвал и к командирам на русском, как уж умел, чуть ли не со слезами взмолился. Дескать, паны офицеры, войдите в мое положение, как я с таким грехом жить буду. Черт с ней с этой колбасой, будь она трижды проклята, но солдатиков этих не стреляйте. Они же молоды еще.

Да и война уже кончилась.

Стоят командиры, даже не общаются между собой и друг на друга не смотрят. И мы, как окаменелые, шеренгой стоим. Какая-то странная картина получилась. Потом команду нам дали разойтись. Не состоялся тогда суд из-за примирения сторон. И слава богу. Спасибо пану поляку, по-настоящему совестливым и набожным человеком оказался. Не вышел бы он тогда на крыльцо, не узнал бы о каре, нависшей над нашими «обормотами», им точно бы каюк был. Да и у командиров наших камень с души свалился. Должны они были по тем временам это дело под расстрел подвести. Но, видит бог, страшно они этого не хотели.

А через некоторое время Васька и Фадеевы вернулись в полк, тихие и пришибленные. Урок им хороший судьба преподнесла. Ну а дело колбасное, видать, замяли. В марте 50-го, когда я демобилизовался, то Вася Хрущев оставался еще служить.

НАРЯД ДВА ЧАСА СТРОЕВОЙ

Я уже говорил, что учебные полеты были чуть ли не ежедневно. А нам, технарям, это, как всегда, массу хлопот доставляло. Боевая машина в наших частях к заданному часу технически на сто процентов к полету должна быть готова. И это требование мы неукоснительно всегда стремились выполнить.

Вот и стремясь к идеальному состоянию техники, я припозднился как-то изрядно и получил за усердие несколько часов дополнительно отдыха от своих командиров.

Поздним утром, если можно так сказать, я спешил на летное поле к своей «восьмерке» по улицам Бяла-Подляски.

А тут как тут два неразлучных майора, начальник разведки Керелюк и начальник особого отдела Кучер. Мы всегда старались избегать с ними встреч и лишний раз попадаться на глаза. Вечно в чем-то заподозрят и в чем-то обвинят. И вот сейчас, не удовлетворившись моими ответами, почему я так поздно иду к месту службы и, главное, вне строя, назначают мне два часа строевой и направляют в штаб для доклада о взыскании. Делать нечего, в штаб так в штаб. А дежурным по гарнизону оказался в этот день, к счастью моему, Паша Горинов.

– Валька?! Ты чего тут?

– Да вот, Паша, на Керелюка с Кучером напоролся, так вот, докладываю, товарищ лейтенант, велено ими два часа строевой подготов-

кой отзаниматься. – И уже тихо: – Ты, что ли, мной займешься?

И он шепотом:

– Нужен ты мне! Ты вот что, ступай за штаб и сиди тихо. Появятся Керелюк с Кучером, дам тебе знать.

Сел я в тенечек, как велел лейтенант Горинов, командир экипажа моей родной «восьмерки». Жду. Проходит около часа. Сажу и думаю: вот бы командир полка Иван Васильевич в туалет захотел, что ли. Он-то точно эту ситуацию разрулил бы в два счета. Слышу, «эмка» комполка тормозит. Уж этот скрежет ни с чем не спутать. Я вскакиваю и давай сам себе командовать:

– Смир-но! Кру-гом! Ле-вой, ле-вой!

Комполка как раз направился к уборной, как по заказу, как будто он услышал меня! И видит механика, марширующего под собственные команды:

– Мутин! Чего орешь? Что за цирк тут устроил?

– Товарищ полковник, разрешите доложить! Майоры Керелюк и Кучер приказали заниматься два часа строевой подготовкой за опоздание к месту службы.

– А что случилось-то?

Объяснил.

– Ну вот что, Валентин, дуй вон по той тропинке, – показывает рукой направление. – Там никакой Керелюк с Кучером отродясь не ходит. Марш работать! – и сам себе: – Ишь! Строевой, видишь ли, заниматься! Артисты.... Придумали же такое...

А я на крыльях рванул к своему самолету.

ОЧЕРЕДНАЯ ПОСАДКА НА БРЮХО

Пришло время, и Паша Данилин демобилизовался. Меня произвели в старшины, и я занял его место, став техником своей «восьмерки», а механиком ко мне определили сержанта Матвеева Ваню, комсорга нашей эскадрильи.

К концу нашего пребывания в Польше отрабатывались учебные ночные полеты. К тому же к экипажу Горинова был на время стажировки приписан штурман, новичок, прямо со школьной скамьи. Это во время войны первый полет молодого штурмана обязательно проводился совместно с опытным наставником. Но в данном случае Валя Селезнев остался почему-то на земле, да и полет был определен всего-то на 45 минут.

Невзирая на инструкцию, определяющую объем заправки самолетов при проведении учебных полетов, свою «восьмерку» я, как всегда, заправил под завязку. А инструкция была жесткая. Заправлять машины регламентировалось строго на время полета, дабы не было желания улететь куда-либо подальше. Это было введено после перелета двух экипажей из каких-то полков на сторону союзничков.

Сорок пять минут полета истекли, и я доложил командиру полка, что «восьмерка» не вернулась с полетов, на что полковник Родионов Иван Васильевич ответил весьма лаконично:

– Знаю!

Приказал посадить все машины. Спросил меня, что насчет горючего, на что я ответил:

– Как всегда, товарищ полковник, под завязку.

После чего приказал давать световые сигналы прожекторами сквозь плотно застеленное низкими облаками небо. А сам вместе со мной и инженером эскадрильи на протяжении двух часов непрерывно стрелял в небо сигнальными ракетами в надежде быть увиденными Гориновым и его экипажем. К утру он был уже весьма озабоченным и хмурым.

– Ну все, хватит. Идите спать. Утром все выясним, – распорядился комполка, сел в «эмку» и укатил.

... Я уже засыпал, когда услышал:

– Мутин! В штаб. Твоя «восьмерка» нашлась.

Бегу в штаб. Сам переживаю, не по моей ли вине ЧП произошло?

– Мутин! Полетишь с моим замом. «Восьмерка» села на брюхо возле Ружан. Определитесь на месте. Все. Выполняй.

– Товарищ полковник, а экипаж?

– А? Да! Жив. Жив Горинов и экипаж тоже. Они уже в часть летят. Ну все, иди.

Молодой штурман заблудился. Летали они всю ночь, пока горючее не кончилось. По наитию своему Горинов попытался посадить машину на аэродром вблизи Ружан, что в Западной Белоруссии. Он знал о наличии его, но в потемках летное поле не обнаружил, и, к большому счастью, перескочил через кирпичное здание кожевенного завода, брюхом прополз по узкополосице, не дотянув малость до края Пинских болот. Что и говорить, летчиком Паша был отменным и махину эту многотонную уложил на брюхо самым прилежным образом.

Утром вместе с замполка мы на У-2 отлетели на место приземления моей «восьмерки». У-2 был получен еще в войну техником по фамилии Голованов. Когда по разнарядке эти машины были уже распределе-

ны, то 108-му полку ее почему-то не досталось. И техник по наивности своей попытался выяснить причину этого недоразумения. Ему предложили возможность позвонить в вышестоящую инстанцию, и на вопрос, как фамилия наглеца, он просто ответил: «Голованов», особо не представляясь. Вопрос моментом решился в пользу Голованова. У-2 использовался в качестве личного транспорта командира полка.

Когда сели в Ружанах, то при выруливании на ровное место умудрились вляпаться в старый колодец, заросший травой. Погнули винт. Замполка рванул за винтом на аэродром, приказав мне снять поврежденный. К счастью, неподалеку проезжала сельская подвода с тремя сельчанами (два мужика и баба). Они и помогли мне вытащить самолет на ровное место.

Винт заменили. А «восьмерку» к тому времени уже поставили на шасси. Под фюзеляж подсунили надувной матрац, накачали его воздухом и поставили на ноги. Сугубо техническая операция! Винты были согнуты, карбюраторы полетели, ну и так, остальное по мелочам, которых уже и не вспомнить. Определились, что и как, и улетели домой.

А через некоторое время, уже на машине в составе инженера соседней эскадрильи Куклинова, меня, охранника с винтовкой (уж так было положено), водителя Васи, при полной бочке горючего и с новыми деталями к самолету, поехали за своей «восьмеркой».

Перед Ружанами стоял спиртовой заводик. Как ни странно, когда наши отступали, его оставили целехоньким, и когда немцы дали деру, также вернули нам в целостности и сохранности. И надо же такому случиться, что в этот момент наступило ненастье. Три дня шёл проливной дождь. А у директора спиртзавода был новенький трофейный немецкий мотоцикл, но без единой капли бензина.

– Баш на баш, вы мне бензин, я вам спирт, – предложил директор, на что капитан Куклинов моментом согласился, отправив подчиненных в соседнюю деревню добывать тару.

Бутылок набрали много. Директор в громадный таз наливает из деревянного чана спирт и предлагает освежить тару, то есть просто её промыть. Я вспоминаю, что от этого предложения у всех глаза на лоб полезли, но... тару тщательно вымыли. На вопрос директора, есть ли еще посуда, водитель Вася предложил свою – большое дюралевое ведро от какой-то емкости с самолета. А до этого кузов ЗИСа устлал сеном, в которое и уложили драгоценный груз. А ведро до ночлега пришлось нести в руках.

Ночевали у людей, у которых сын был осужден за службу полицаем. Это были безропотные мать с отцом и их сноха с детьми. На стол вы-

ставили яичницу, и для Куклинова настали радужные времена: он не прочь был выпить всегда, а тут такое...

Он начал оказывать особое внимание снохе, а старики в силу своего положения молча сносили домогательства изрядно выпившего офицера. Снохе это порядком надоело, и она предложила ему пройтись до ее родителей, проживавших на соседней улице.

Ушли, а через некоторое время сноха, девка сельская, жилистая, приволокла на себе вконец охмелевшего инженера назад. А утром он, обнаружив, что у него исчезла с груди медаль, грозился всех расстрелять как врагов народа. Я, видя, что назревает конфликт, снова налил ему спирта, и он опять отключился. И так два дня подряд, пока лил дождь.

Но... о господи! Куклинов аж посинел от перебора огненной жидкости, да и пил он не закусывая. Я понял, какую оплошность совершил! Приказал хозяйке срочно натопить сала и им силком напоил капитана. Очнулся инженер как раз под фюзеляжем «восьмерки». Ремонт был совершен, а я получил жесточайшую ангину и при взлете родного «Ила» уже не присутствовал.

А пока я мучился с ангиной, бичом моего детства и юности, наш договор пребывания в Польше закончился и полк передислоцировали в город Новозыбков Брянской области.

Новозыбков

О РАБОЧИХ КОМБИНЕЗОНАХ

Перелет из Бяла-Подляски в Новозыбков был омрачен очередной трагедией. Командир нашей эскадрильи Новожилов дал звеньям команду перестроиться. Летели «клином», а ближе к аэродрому необходимо самолеты расположить «пеленгом». При перестроении один «Ил» столкнулся с соседним. Обе машины рухнули на землю, и их экипажи погибли. Новожилов Николай Вячеславович, Герой Советского Союза, был отправлен в Москву на разборки. Мы все переживали за него. Виновных в этой несогласованности в те времена обязательно должны были определить и непременно наказать по всей строгости советских законов. А так как летчик, учинивший столкновение, погиб, козлом отпущения должен стать тот, кто давал команду. Но командование во всем разобралось, и через некоторое время Новожилов вернулся в полк в новом качестве, став инспектором по технике пилотирования.

В Новозыбкове я занимал уже офицерскую должность и квартировал по адресу: улица Пролетарская, дом 25. Маленький домишко, но еще достаточно крепкий. Небольшая комната, с минимумом необходимой мебели. Хозяйку помню. Немолодая уже женщина и двое ее сыновей, лет четырнадцати-шестнадцати. Один из них летом 47-го... утонул. Горе родным и близким, похороны, материнские слезы, затем тоска в глазах на долгие годы. Все это неотъемлемый атрибут подобных и внезапных ударов судьбы... Сколько же пережили обычные наши люди и от войны и помимо войны – один бог знает.

В торце этой улицы, где я теперь жил, находилась двухэтажная кирпичная казарма, в которой и расположились мои товарищи-технари. А на аэродром мы отправлялись уже привычным строем и редко на автомашинах.

Нам было запрещено вне летного поля появляться где-либо в рабочих комбинезонах. Но по какой-то причине мне пришлось однажды в таком виде спешить по улицам Новозыбкова к месту службы. Внезапно меня обгоняет «эмка» командира дивизии. Резко тормозит, открывается дверца, и вижу недоброе лицо полковника Гусарова Николая Сергеевича, а попросту дяди Коли, как звали мы его в своем кругу за его человеческие качества. Не могу сказать, удостаивался ли какой командир дивизии такого признания своих подчиненных, но вот Гусаров Николай Сергеевич нам чуть ли не отцом был.

– Старшина! Снять комбинезон!

Делать нечего. Снял.

– Садись в машину!

Не проронив ни слова, доехали до аэродрома. Полковник дает команду остановиться и жестом показывает, чтобы я отваливал.

– Все понял, старшина?

– Так точно, товарищ полковник!

Больше я по улицам Новозыбкова в комбинезоне не шастал.

Но не зря я вспомнил о комбинезонах. Это случилось как-то под вечер. Еще светло было, когда наши «Илы» один за другим улетали в вечернюю даль. Проходили, как всегда, плановые учебные полеты. И мы, оставшиеся на земле, вдруг видим, как от одного из взлетевших «Илов», на высоте метров пятьдесят и на расстоянии километров двух от нас, отделяется человек и падает вниз. Мы из оцепенения быстро вышли и кинулись к месту падения человека. Но, к радости нашей и одновременно какому-то разочарованию, на земле нас ожидал обычный технарский маслом машинным пропитанный комбинезон. Потом выяснилось, что кто-то из механиков его оставил в gondole шасси, и когда они стали убираться, то комбинезон и выпал, надувшись воздухом, и учинил переполах среди наземного служивого люда.

ПРО ВОЗДУШНЫЕ УЧЕБНЫЕ СТРЕЛЬБЫ

Но был случай, когда человека на самом деле выбросило за борт, не по его воле. И это был не вынужденный или учебный парашютный прыжок с принудительным толчком ретивого инструктора в спину прыгающего, а прыжок по неосторожности.

Проводились учебные воздушные стрельбы. Технология заключалась в следующем. Поднимался «Ил», за ним, по очереди с интервалом, другие. В заданном месте из первого самолета стрелок через свой люк на фале выпускал «кишку» из прочной материи, которая надувалась воздухом и служила мишенью. Подлетал следом идущий «Ил», и его стрелки расстреливали эту мишень. Отстрелявшийся самолет освобождал место следующему, пока все они не выполняли данное упражнение. От пуль на полотне мишени оставались следы определенного цвета. И когда «Ил» с мишенью пролетал над летным полем, она сбрасывалась летчиком на землю. О результатах стрельб судили по количеству цветных отметин на мишени.

И в этот раз стрелок, открыв люк, вытолкнул ногой свернутую ми-

шень. Она, подхваченная потоком воздуха, поволокла фал, свернутый кольцами. Видать, машину трянуло, стрелок оступился, ногой попал в распутывающуюся петлю фала и в момент оказался за бортом. Как он рассказывал о случившемся, уже на земле, первое, что он хотел сделать, – это дернуть кольцо парашюта. Но вовремя одумался, так как понял, что летит пойманным фалом за самолетом.

Подлетает «Ил» для стрельб. Видит мишень и болтающегося на фале человека. Сразу сообщает о ЧП на землю. Пилоту с мишенью дают команду вернуться на базу и предупреждают, что на фале за бортом его машины стрелок. А фал необходимо отцепить над аэродромом на должной высоте по их команде. Над летным полем на удобной высоте фал был отцеплен, и стрелок благополучно приземлился на парашюте.

ГИДРОУДАР

После 45-го начали давать отпуска. Паша Кармашев, уже в Ново-зыбкове получив долгожданный отпуск, укатил в свой Ленинград. А у ребят выпросил их ордена. Предстал перед родней и земляками в облиции бравого орденоносца радиста-стрелка славного Ил-4 под номером 8. Сфотографировался напоследок и эту фотографию продемонстрировал комполка по прибытию в часть:

– Да как вы меня демобилизуете, товарищ полковник, не наградив каким-нибудь орденом? Как я теперь покажусь родне?

Конечно, близкие ему друзья поняли, что это очередная Пашкина хохма, и стали наблюдать, чем это все закончится.

Командование не жаловало наградами личный состав. И это факт, который подкреплялся, оказывается, пятнадцатым пунктом из «Важной тетради» маршала Голованова, гласящим: «Если наказания суровы, а награды незначительны, – правитель любит народ и народ готов отдать жизнь за правителя. Если же награды значительны, а наказания мягки, – правитель не любит народ и народ не станет жертвовать жизнью ради правителя». Но об этом известно стало недавно. К нашему общему удовлетворению, Пашу все же наградили, кажется, орденом Отечественной войны одной из степеней. Справедливости ради, было за что. Демобилизовался Паша Кармашев уже после меня.

47-й и 48-й годы выдались для меня весьма тяжелыми в психологическом плане. Притупилась моя бдительность, наверное, и обычная человеческая беспечность сыграла со мной жестокою шутку. А дело было так.

Я и мой механик, Ваня Матвеев, готовили «восьмерку» к очередному учебному полету. А перед тем как запустить двигатель на самолете, необходимо в кабине летчика открыть кран для подачи в цилиндры топлива, которое находилось в небольшом баке в изголовье пилота для этой цели и подавалось самотеком. А затем повернуть винт и убедиться, что в нижних цилиндрах поршни находятся в нижней точке. И только тогда следует запускать двигатель. Если винт не проворачивался, это означало, что какой-то из нижних цилиндров заполнен бензином и двигатель запускать никак нельзя. Иначе произойдет в этом цилиндре гидроудар, что автоматически выводило двигатель из строя и требовало его замены на новый. Это с технической точки зрения. А вот с практической, в отношении виновных в этом техническом деянии автоматически влекло наказание виде двух лет лишения свободы, так как приравнивалось к умышленному вредительству. Данная операция по запуску двигателей была четко прописана в «Наставлении инженерной авиаслужбы», а для нас, технарей, этот «талмуд» был непререкаемым законом.

Когда винт не прокручивался, необходимо закрыть кран в кабине пилота, выкрутить свечи в нижнем цилиндре и попросту слить из него бензин. И повторить все заново.

Я эту операцию проделывал тысячи раз, а на дню порой несколько раз. Казалось, что тут может случиться, все доведено до автоматизма! А вот и нет!

Вместо того чтобы самому, как старшему, сидеть на месте пилота и руководить запуском двигателя, я по привычке нахожусь на земле, а Ваня за меня выполняет мои обязанности. Даю команду механику открыть кран для подачи топлива, сам провернул винт. Все как всегда. Но с командой запускать мотор почему-то не спешу. Тогда мы оба на что-то переключились. Ваня, за другие дела взявшись, кран закрыть забыл, а я не проследил. Но пришло время, наконец, запускать двигатель. Я еще раз провернул на четверть винт и остановился. Вспомнил, что это я уже сделал. отошел от винта и дал Ивану команду «запускай!». Крепко трянуло крыло со специфическим звуком в моторе, и в нижнем цилиндре застучало металлической барабанной дробью. Двигатель сразу заглушили. «Вот и все. Дождался. После стольких лет службы два года лагерей!» – пронеслось в голове. Тело не слушалось, но голова, на удивление, была в тонусе.

Ваня моментом оказался рядом. Напуганный, чуть ли не с квадратными глазищами, уставился на меня. Спрашивает:

– Валька, что делать-то будем?

Ясно, кто виноват, но даже если я и старший, при разборке все выяснится, мы оба можем загреметь. Что парню жизнь ломать?

– Вот что, Ваня. Если не желаешь мне зла, попробуем проверить одну аферу. Если не получится, ты ничего не знаешь, сяду я.

– Что делать?

Я быстро рассказал свой план, на осуществление которого необходимо минимум часа четыре, у нас было практически только два. Доложив, что машина к полету не готова по причине гидроудара в цилиндре, и воспользовавшись тем, что все были заняты взлетами и до конца полетов все будут на своих местах, мы с Ваней приступили к осуществлению моего плана во избежание двухгодичного лагерного срока. А мой экипаж пересел на запасной «Ил», беспрепятственно осуществил учебный полет.

«Восьмерка» была заправлена бензином Р-9, что при скапливании топлива в течение некоторого продолжительного времени во всасывающихся патрубках автоматически изнутри выкрашивало их от присадок в ядовито-малиновый цвет. Задача состояла в том, чтобы из всех пар таких патрубков, стоящих на двигателе, найти два таких, которые не были выкрашены осадком от бензина и цветом оставались как естественные дюралевые. Такого могло и не быть, но... Уже не помню, с какой попытки такие патрубки были найдены и мы их просто обменяли. Заменили и свечи. Работали слаженно и быстро.

Наконец полеты завершились, и на «эмке» к нам подлетает полковой инженер. Этот майор сменил нашего «родного», что резко обостряло ситуацию. Мы его не знали, и он был явно не с нашей дивизии, даже не с Авиации дальнего действия.

– Старшина! Доложи, в чем дело! – зло взял он в карьер.

– Вероятнее всего, гидроудар, товарищ майор.

– Что? Да я тебя за такое в лагерях сгною! – взял и стукнул кулаком со всей силы по доске настила. А на ней жестяная банка из-под взрывателей стояла, маслом машинным наполненная. Банка подскочила, и масло расплескалось прямо на майора. Ну, думаю, все, хана мне пришла, а сам смех еле-еле сдерживаю. Отряхнулся майор зло:

– Снять цилиндр!

Ага, вот и твой первый прокол, майор! Ему бы консилиум создать из толковых и независимых спецов, они-то быстро меня, хитреца, на чистую воду бы вывели. Приказ есть приказ, мы с Ваней, как положено, пунктуально, как и требует технический регламент, часа за два цилиндр сняли. Майор видит, что шатун скрючен по спирали и лопнул на две части в поперечине.

– Пошел вон с летного поля! – грубо скомандовал майор.

– Ваня, ты убери здесь все, а моторы зачехли, – прошу я механика и поплелся, опустошенный и физически и морально, по летному полю подалее от майорских глаз.

Зашел к ребятам в землянку на краю поля, где они обычно собирались перекурить, прежде чем направиться строем в казарму. Сел на скамейку из досок на кирпичачах, обхватил руками голову, чувствую, что меня просто начало трясти, как в лихорадке. Ребята видят такое дело (а уже многие узнали, что стряслось с моей «восьмеркой»), предлагают:

– Все образуется, Валька! Ты лучше вот закури! – И кто-то протягивает мне целую пачку «Беломора».

Я до этого ни разу за всю службу ни одной папиросы в рот не взял, а тут всю пачку, одну за другой, выкурил. Хоть бы стошнило, что ли! Видать, стресс страшный получил, что табак меня тогда и не пронял. С этого момента я и курить начал, а бросил это дохлое дело лишь в 60-м на берегу озера Байкал, когда я со своей семьей под Слюдянской оказался, на заработки, видите ли, поехал.

А ближе к ночи меня в штаб вызвали.

Захожу в кабинет командира полка. Вижу, за его столом сидит капитан из смерша. Фамилия его Осадчий была. Рядом с ним уже известный вам полковой инженер. На диване – командир полка Иван Васильевич, рядом – его заместитель по политчасти Вдовин Яков Абрамович. Мужик что надо, скажу вам. Чувствую, что оба они в мою поддержку здесь. Мало ли, что сегодня случилось! Для них главное, что было тогда, когда Горинов славу полка подтверждал снимками своими. А на машине летал той, что я холил. И за мной ничего такого, чтобы я кого-то из них в прошлом подвел, не числилось. Все праздники в почетных караулах у полкового знамени простоял, не всякому доверяли, а мне ... да. Все гуляли, а я на посту был. Как все это мне тогда надоедало! Я по поводу караула, почетного... Но теперь это в мою пользу обернулось.

– Товарищ полковник, старшина Мутин по вашему приказанию прибыл.

Вижу только незаметный для всех кивок полковника. Ясно – дело «швах».

– Та-ак, старшина, – протягивает Осадчий. – Значит, вредительством заняться вздумал! И для каких, позволь узнать, целей?

Родионов Иван Васильевич было рот раскрыл, как Осадчий, даже не взглянув в его сторону, жестом руки осадил, мол, молчи, полковник, во всем разберемся без тебя. Вижу, Иван Васильевич присел, взор потупил. Вдовин скулы сжал.

– Никак нет, товарищ капитан, вредительством не занимался. Как-то само собой все получилось. Застучало в цилиндре и все тут.

– А поведай нам, старшина, как все было.

Рассказываю, как должно быть, ничего не утаиваю, кроме того, что на самом деле было. Вижу, капитан в НИАС заглядывает, проверяет.

– Та-ак, значит, говоришь, что винт прокручивал? И на сколько? И кто подтвердить сможет?

– Как положено! Кто подтвердит? Ну, не знаю. Может, дежурный по стоянке видел?

– Дежурный по стоянке, говоришь? Ну что ж, пошлите за дежурным.

Дежурный по стоянке, как будто уже ждал вызова, явился быстро.

– Видел, как этот винт крутил?

Что скажет? Видел или не видел? В первый раз или в тот, последний, в который я лишь на четверть его крутанул? И видел ли вообще?

– Видел, товарищ капитан, прокручивал. Раз несколько, а сколько точно, не помню. Но точно крутил!

– Ладно, свободен. А ты, инженер, что скажешь? Что видел? Что вскрытие показало?

– Понимаете, товарищ капитан, когда цилиндр сняли, я заметил, что в нем бензина как будто и не было. Всасывающие патрубки чистыми были. Иначе окислились бы и цвет свой поменяли. Да и свечи сухими были.

– Ну, ты это брось, что свечи сухие! Это – замени их и все тут. А поменять патрубки не могли?

– Да ну! На это время надо! Часа четыре! А тут, за полтора то часа? Это нереально, товарищ капитан.

Я стоял навтыжку, ни живой, ни мертвый, даже не дышал, слушая их полемику.

– Ну ладно. Давай-ка, мы тебя, старшина, проверим, каков ты на самом деле техник?

Часа два меня гонял по «талмуду» нашему, НИАСу. Ангел-хранитель мой, видать, память мою обострил до предела. Что не спросит меня капитан из смерша, я толком на все отвечаю. И так три ночи подряд он весь «талмуд» на мне проверил. Я ни разу не запнулся. Знал я его? Видать, знал. Потом сам себе удивлялся.

А через недельку мне заключение по этому эпизоду дали ненароком просмотреть. В нем указывалось, что это вообще не гидроудар, а усталость металла, из которого изготовлен был шатун, поставленный на этот двигатель в результате ремонта. Оказывается, он когда-то уже использованным был и имел якобы некий скрытый дефект. И это счаст-

ливая случайность, что поломка случилась на земле, а не в воздухе.

Я тогда крепко сдал, поседел не по возрасту и курить с перепуга начал. Мою «восьмерку» тогда списали. А взамен ее пригнали новый Ил-4, он первый в полку оказался бело-голубого поверху и темно-синего понизу цвета. Номер самолета оставили тот же.

А тут еще одно несчастье – Паши Горинова не стало.

ОХ, ПАША, ПАША...

Летом 48-го, под утро, с северной стороны штурманской землянки, заросшей бурьяном, Паша Горинов был обнаружен... мертвым. Мы потеряли боевого товарища, а семья летчика лишилась всего разом: мужа, отца, сына и... средств к существованию. У Паши было двое ребятшек, жена. На его иждивении были отец-старик и брат-инвалид. Он плотником был и на работе то ли руку потерял, то ли ногу, я уже не помню. В Новозыбкове они домик обветшалый прикупили, и брат его, стариной тряхнув, дом этот в божеский вид привел. Видать, Паша в Новозыбкове надолго хотел остаться. Но... Что же случилось с тобой, Пашка Горинов?

В дивизии новые люди появились. То, к кому и к чему мы привыкли в годы военного лихолетья, скорей всего, в Лету кануло. А к новому всегда трудно привыкать, коль оно вразрез всему, пусть даже не совсем хорошему, но выстраданному, поперек шло.

Друзьям, членам экипажа, боевым товарищам ничего не сообщили о причинах добровольного ухода из жизни Паши Горинова. Даже не дали проститься с ним. На похоронах только семья и была. А на просьбу командира полка обеспечить семью пенсией в результате потери кормильца был ответ от нового руководства дивизии, что за этот безнравственный поступок не положено. Да к тому же Пашу попутно обвинили в малодушии, недостойном боевого офицера.

Я не знаю точной подоплеки этой человеческой трагедии. Но сдается мне, что плюнули в душу Паше и лишили смысла жизни разом. Припомнили ему бывшее чванливые ханжи в погонах. Так парня довели обидой незаслуженной, что о близких Паша тогда и не вспомнил, перед тем как курок спустить.

Но тем и славно боевое братство в частях, созданных маршалом Головановым, что не смогли друзья-однополчане стерпеть несправедливость по отношению к своему боевому товарищу. Собрали в дорогу гонца и отправили его в Москву. К дяде Коле. Полковник Николай

Сергеевич Гусаров пошел на повышение и в этот момент находился на службе в Москве. Дядя Коля восстановил справедливость: что полагалось семье так рано ушедшего от нас Паши Горинова, она получила. Но легче не стало, рана в душе на всю жизнь осталась. Ладно, если смерть настигла бы от рук вражеских, а то от своих же оказалась.

А экипаж «восьмерки» возглавил лейтенант Кирилин, но он был не из нашего полка.

КЛАДБИЩЕНСКИЕ СТРАСТИ

На наш аэродром прилетели как-то пять «Боингов Б-25», а с ними, помимо летного состава, пять технарей. Это было не пополнение нашей части новыми машинами, а вынужденная мера для укрытия техники, полученной по лизингу от американцев. Хозяева охотились за своим добром. Обнаружив его, укладывали «добро» на «брюхо», подрезав стойки шасси, и гусеничными тракторами, взятыми напрокат в роте аэродромного обслуживания, превращали его в малоприспособленную для употребления металлическую лепешку. На такое советским людям при погонах, на этой технике совершавших дела ратные, было попросту смотреть невыносимо. Видите ли, союзникам дорого эту технику к себе перегонять, легче ее на металлолом пустить. Пусть русские его переплавляют. Им как раз для восстановления народного хозяйства металл и потребуется.

«А не пошли бы вы куда-нибудь подальше, господа союзнички, притом уже бывшие!?» – это первое, что пришло в голову увидевшим такое американское безобразие. К тому же фултонская речь уже была произнесена, и диспозиция мировых сил определилась.

И началась игра в кошки-мышки, а попросту перегон лизинговой техники с места на место. Перелетят вот так ребята из разных концов в разные концы нашей необъятной Родины, да небольшими группами. Поставят недельку тут и там, попробуй сыщи. Прибудут для изъятия своего добра союзнички, а у них, видать, такое право было по договору, а приписанных к данной части «Боингов» и в помине уже нет. Извините, господа, переданы в распоряжение другой части для восполнения боевых потерь. Либо не вернулись с задания или были списаны из-за увечий, не подлежащих восстановлению, еще тогда, в войну, и уже давно переплавлены на металл.

С этими ребятами-технарями я и познакомился. У меня на память фотография осталась, на которой оказались я и один из них – Нико-

лай. Он рассказал одну удивительную историю, случившуюся с ними как раз после войны.

В 46-м летней ночью (уже и не припомню, какое они место называли, где это все случилось), ребята спешили в свою часть из самоволки. Чтобы сократить путь, пошли приятели через местное кладбище. И вдруг они слышат приглушенные женские крики. Остановились, благо что не рванули с перепуга в разные стороны, спиной к спине прижались, головами вертят, прислушиваются. Точно, плач или стоны откуда-то снизу раздаются. Видят – свежая могилка. Ухом к земле приникли. Точно здесь! Руками начали быстро землю рыть. Не переводя дух, наконец, могилу отрыли и крышку гроба сорвали. Девица, в покойницу наряженная, сразу присела, ртом воздух свежий глотает. Понять ничего не может, только в истерике бьется. Ребята ее кое-как сумели, наконец, успокоить.

Выяснили, что отец ее директор местного пивзавода, человек в этой местности весьма знатный и уважаемый. Адрес свой сообщила, и они все туда и направились. Не доходя несколько домов, останавливаются, дескать, не дело это домочадцев пугать возвращением дочери с «того света». Сначала их надо как-то подготовить. Николай и пошел. Стучит в окно. Свет зажегся. На крыльцо папаша выходит.

– У вас, дескать, похороны сегодня были?

– Ну да! Вот дочь единственную похоронили, ни с того ни с сего взяла и померла.

– Вот рано, вы, папаша, ее похоронили. Понимаете, как это сказать-то... жива ваша дочь! Мы вот ее откопали случайно и привели.

Папаша чуть чувств не лишился, аж присел бедолага:

– Как это?

Тут мамаша появляется, вся в недоумении.

– Да успокойтесь вы! Все нормально, правду вам говорю, вот сейчас сами увидите!

Свистнул Коля друзьям своим, они девицу и привели. Тут с родными ее и взаправду чуть Кондратий не случился. Но когда родители очухались, радости их предела не было. Трое суток папаша ребят от себя не отпускал, потчевал как самых дорогих гостей и божился, что все проблемы ребят в части уладит. И правда. Загрузил в полуторку самую большую бочку пива, что на пивоварне оказалась, и к командиру части наведалься. Дескать, тут такие служат? И поведал счастливый отец о подвиге служивых, слезно прося командиров никоим образом не наказывать этих славных ребят, ибо по его вине они задержались у него и вовремя в часть не явились.

МАРТ 50-ГО. ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ

Уже и не помню, кажется, это осенью 47-го было. К нам в Ново-зыбков прибыл сам маршал Голованов. С какой целью, мне, технику, не докладывали. Но в городе штаб нашей дивизии располагался. Маршал Голованов практиковал сходы служивого народа вверенных ему частей. Выслушивал просьбы. А так как они, как правило, за рамки бытовых нужд особо не выходили, то тут же их решал на радость нашему брату.

И в этот раз собрались мы в городском сквере, на открытой концертной площадке. Помню лишь две просьбы. Одна исходила от техника в чине старшины, мужика далеко не первой молодости, который жаловался маршалу, что все лучшие годы свои оставил на летном поле, а наступит время демобилизации, ни двора, ни кола, ни семьи у него нет. И ничего он не умеет, кроме как обслуживать «Илы». Ответ маршала был прост:

– Садитесь, товарищ младший лейтенант, проблему Вашу мы поняли! – и уже к кому-то из дивизии: – Проследите, чтобы товарища младшего лейтенанта демобилизовали только по сроку выхода его на пенсию!

А другая просьба была коллективной. Загалдели ребята, что скоро зима наступит, а шапки зимние давно как сносились. Маршал распорядился выдать полку новые головные уборы, а мы потом шутили, что вот, мол, приехал к нам маршал Голованов и всем дал по шапке.

Трудно удержаться, чтоб не поведать еще о нескольких комичных эпизодах того времени.

Андрей Дементьевич Бабенко, бывший командир 42-го авиаполка ДД, в котором я начинал свою службу в начале 43-го, в данный момент находился при штабе дивизии. В какой должности и в каком звании он тогда был, я уже не помню. Но любил он выйти перед штабом на плац. Изловить нерадивого служаку мелкого чина и провести с ним строевую в дисциплинарно-педагогических целях.

А у нас служил сержантик по фамилии Вытрежко, мужичок небольшого росточка. По сравнению с Бабенко, мужиком рослым и упитанным, Вытрежке других эпитетов, кроме как «сержантик» да «мужичок», и не дашь. Видать, выпил сержант Вытрежко и спешил к себе в казарму, а пути другого домой, кроме как через плац, не было. А тут Бабенко ему путь преградил, и от страха, видать, сержант и выпалил:

– Товарищ сержант Вытрежко, генерал Бабенко выпил сто грамм и идет в казарму спать! – и, не ожидая ответа, парадным шагом обходит опешившего Бабенко и исчезает с глаз долой.

Ребята, видевшие этот концерт, со смеху попадали, а потом и мы от рассказанного.

А Васька Хрущев, уже известный вам, очень любил носить тельняшку, хотя к морям никакого отношения сроду не имел. И вот после обильного дождя на одной из улиц Новозыбкова большая лужа образовалась. Откуда-то он возвращался со своими подвыпившими дружками, и дорогу им эта лужа преградила. Тут Вася, изрядно захмелевший, гимнастерку с себя стянул и, на удивление друзьям, с возгласом «плюньте мне на грудь, без моря жить не могу» плюхнулся в эту лужу. Ребята молодыми были, и любая такая выходка товарища им в радость. Посмеялись, и, казалось, все тут. Однако на противоположной стороне лужи командир полка был с группой офицеров, да притом не нашей части. Они за деревом стояли и о чем-то своем беседовали. Иван Васильевич, конечно, вида не подал. А они офицеры и не заметили.

А вот на утреннем построении, которое уже обычным в мирное время стало, командир полка после команды «равняйся – смирно», вдруг дает весьма странную для наших ушей команду:

– Кто служил на Черноморском флоте, три шага вперед!

Никто даже не шелохнулся.

– Кто служил на Балтике, три шага вперед!

Та же картина – стоим смирно, вытянувшись по струнке.

– Никитка, мать твою, три шага вперед!

Очумелый Васька выходит из строя.

– Снять гимнастерку!

Васька снимает гимнастерку и остается в чистенькой тельняшке.

– Вот видите! – обращается комполка к строю, пальцем указывая на Ваську. – Среди нас, летунов, водные пресмыкающиеся завелись, которые без моря жить, видите ли, не могут. А в отсутствие его лужами на улице пользоваться начали. Никитка! Если еще раз в лужу залезешь без моей команды, я тебя... Живо встать в строй!

Полк уже не мог удержаться от приступа смеха. Иван Васильевич хорошим педагогом был.

За все годы службы я особо ничем не болел, только иногда ангиной. Гланды были самым уязвимым местом у меня. Стоило хлебнуть чего-нибудь холодного, как эта напасть моментом давала о себе знать. В детстве, помню, вообще чуть не умер, тогда мамка меня только горячим кагором и отпоила. И когда я понял, что мне наконец-то светит демобилизация в ближайшие месяцы, меня осенило, как навсегда избавиться от ангины.

Наступил 1950 год. И я решил. Заглотнул снега и спровоцировал

себе ангину. Заручившись диагнозом полкового врача, подкатываю к Ивану Васильевичу с просьбой направить меня в госпиталь для удаления гланд. Полковник, видя мое состояние, просьбе моей с пониманием вынул. И вскоре я уже находился в госпитале города Брянска.

Военный госпиталь размещался в одном из двух зданий городской больницы. Но военного хирурга в тот момент не оказалось. Он находился в отпуске. Так что военных и гражданских обслуживал общий эскулап, еврей средних лет, хирург от Бога. Он был нарасхват, когда только спать успевал? Он «кромсал и штопал» нашего брата быстро, уверенно и, главное, успешно. Но на меня у него времени не было.

– Ангина? Ерунда! Подождет! – отмахивался врач, отдаваясь полностью безотлагательным делам, и операция моя каждый раз откладывалась.

А вот с разного рода симулянтами он обходился по-особому. Назначал им безвредные, но весьма болезненные процедуры, после которых моментом отбивал желание оставаться в стенах госпиталя.

Уже заканчивалась вторая неделя моего пребывания здесь. Спал, ел, отдыхал душой и телом. Когда такое было? И вот после очередного сытного завтрака слышу:

– Мутин! Иди готовься! Сейчас на операцию пойдешь!

Захожу в кабинет хирурга. Сажает он меня напротив себя. Надевает общий клеенчатый фартук. Хирург требует открыть рот для осмотра. Разжавив его как можно шире, я даже не успел о чем-либо подумать, как он особыми щипцами с тонкой проволочной удавкой моментом лишает меня одной из гланд. От неожиданности и обжигающей боли мой завтрак оказывается в клеенчатом фартуке.

– Ах, мать вашу так! Кто больного перед операцией кормит? – зло кричит он, а сам меня глазами и кивками головы безгласно вопрошает, мол, что делать будем, продолжать или как?

Я зажмурился, но рот открыл еще шире и руками даю понять, мол, давай и поскорей, понимая, что еще раз меня сюда не загнать. И второй гланды я моментом лишился. А через пару дней уже был в части.

За год до демобилизации я получил долгожданный отпуск и съездил, наконец, домой к родителям. Сумел привезти меховой летный комбинезон и унты. Думал, что когда вернусь окончательно домой, будет в чем на работу ходить. Однако мой младший брат Аркашка их за год умудрился снести до неузнаваемости. Жили родители в постоянной нужде, младшие сестра и три брата на их иждивении были. А кто тогда хорошо и сытно жил? Я в войну и после нее часто им деньги из своего жалования посылал, но, видать, не хватало. И когда на-

зад прибыл в часть, то в мыслях уже дома был, хотя одна перспектива у меня маячила.

Родионов Иван Васильевич как-то пообещал направить меня в школу гражданских штурманов, но когда пришел срок моей демобилизации, выяснилось, что по возрасту я уже для учебы не подхожу. Вызвал тогда меня командир полка, извинился, что не сумел сдержать данное им слово, но предложил:

– Валентин, поспособствую присвоению тебе младшего лейтенанта. Оставайся служить в полку. А там что-нибудь придумаем, чтоб продвинуть тебя по службе дальше.

Заманчиво, конечно, это звучало из уст уважаемого мной человека, но плачевное положение семьи в далекой Башкирии давило на меня моральным грузом. Я ей был нужен, и как сын и как опора. О чем и поведал полковнику. Тот с доводами моими согласился.

– Ну что ж, старшина. Последнее, что могу сделать для тебя, так вот только это. – Полковник Родионов Иван Васильевич распорядился вынести и развернуть полковое знамя, и на его фоне меня сфотографировали. В чем был тогда, без медалей моих, в обычной гимнастерке. С благодарственной надписью от командования, заверенной подписью командира полка и закрепленной полковой печатью, фотография эта была послана моим родителям в село Миндяк.

А в марте 1950 года я демобилизовался.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Трудно удержаться, чтобы не воспользоваться материалами, так вовремя размещенными на сайте общедоступного электронного банка документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и касающихся описываемых в этой книге людей и событий. На многие мои вопросы, на которые не смог ответить отец, я неожиданно получил исчерпывающие ответы, не выходя из дома. И это о событиях более чем полувековой давности! Низкий поклон этим людям, осуществляющим этот полезнейший и грандиозный информационный проект. Думаю, будет справедливым и уместным закончить наше повествование о том времени кратким документальным обзором на основе этой информации. Абзацы, выделенные скобками, приведены дословно из наградных листов и приказов о награждении.

Мы теперь знаем полный состав экипажа младшего лейтенанта Милавина, бомбардировщик которого готовили к полетам техник Гусев и механик Мутин в период их службы в 42-м Авиаполку ДД с декабря 42-го по август 43-го.

Это летчик младший лейтенант Милавин Борис Прокопьевич, 1920 года рождения, русский, в Красной Армии с 1940 года, член ВЛКСМ с 1937 года, участник ВОВ с октября 1942 года. Он был трижды награжден: Орденом Красного Знамени (7 сентября 1943 г.), Орденом Отечественной Войны 1 степени (29 декабря 1943 г.) и Орденом Красного Знамени (8 августа 1944 г.).

Это штурман лейтенант Петренко Евгений Александрович, 1921 года рождения, украинец, в Красной Армии с 1939 года, член ВЛКСМ с 1940 года, участник ВОВ с декабря 1942 года. Имеет награды: Орден Красного Знамени (7 сентября 1943 г.), Орден Отечественной Войны 1 степени (29 сентября 1943 г.), Орден Отечественной Войны 1 степени (29 апреля 1944 г.), медаль «За оборону Ленинграда», Орден Красного Знамени (21 ноября 1945 г.). С января 1945 г штурман Петренко Е.А. переведен в 330 Бомбардировочный Авиаполк для переучивания на новой материальной части самолета Ер-2.

Это стрелок - радист младший сержант Губарь Семен Евтухович, 1919 года рождения, украинец, в Красной Армии с 1939 года, член ВЛКСМ с 1936 года, участник Финской войны 1940 год, участник ВОВ с декабря 1942 года. Трижды награжден: Орденом Красной Звезды (7 сентября 1943 г.), Орденом Славы III степени (3 марта 1944 г.) и Орденом Отечественной Войны 1 степени (5 июня 1945 г.).

Это воздушный стрелок младший сержант Примха Иван Федоро-

вич, 1921 года рождения, беспартийный.

Экипаж младшего лейтенанта Милавина в этом составе просуществовал до 20 сентября 1944 года. В ночь с 19.09 на 20.09.44 г в районе Будапешта при выполнении боевого задания пропал без вести воздушный стрелок младший сержант Примха Иван Федорович.

Стала известна и боевая деятельность экипажа Милавина в период с января 43-го по август 43-го, за который было совершено 50 боевых вылетов. Экипаж «выполнял задания по срыву перевозок и разрушению складов с боеприпасами и горючим на ж.д. станциях и узлах Гомель, Брянск, Псков, Орша, Жуковка, Орел, Мга и др. Уничтожал материальную часть и блокировал аэродромы: Балбасово, Брянск, Сеца, Олсуфьево, Клинцы и др. Действовал по живой силе и технике, разрушал узлы сопротивления севернее и восточнее Орла и в районе станции Мга. В результате успешного бомбардирования экипажем и экипажем контролером зафиксировано до 15 прямых попаданий по ж.д. путям и станционным сооружениям, 12 крупных и 5 малых пожаров, а также 17 взрывов из них 4 большой силы, что свидетельствует об уничтожении складов с боеприпасами и горючим».

Летчик Милавин «имел две вынужденных посадки из-за отказа моторов, из них одна произведена ночью на колеса без всяких повреждений для самолета».

Несколько слов о технике самолета Милавина.

Техник лейтенант Гусев Тимофей Васильевич, 1912 года рождения, русский, в Красной Армии с 1934 года, член ВКП/б/ с 1941 года, участник ВОВ с октября 1941 года. Имеет награды: медаль «За Боевые Заслуги» (22 июля 1942 г.) и орден Красной Звезды (28 апреля 1944 г.). На момент последнего награждения обеспечил 240 боевых вылетов. Из них 160 в системе АДД, из которых 33 боевых вылета с оперативного аэродрома, выполняя спецзадание на севере в условиях заполярья. «В период обслуживания боевых и учебных полетов самолет, готовившийся Гусевым, не имел случаев опозданий, невыходов и отказа работы материальной части».

В августе 1943 года из состава 42-го Авиационного полка ДД был выделен 108-ой Авиационный полк ДД. Его возглавил Герой Советского Союза подполковник Бирюков Серафим Кириллович, а заместителем к нему был назначен майор Родионов Иван Васильевич.

Техник лейтенант Гусев и механик сержант Мутин стали служить в новом 108-ом авиаполку ДД. Техник Гусев обслуживал машины экипажей майора Баукина, капитана Новожилова, лейтенанта Казакова, старшего лейтенанта Ванякина. А механик Мутин был приписан к

Ил-4 младшего лейтенанта Горинова, техником которого стал старшина Данилин.

Несколько слов об экипаже Горинова.

Летчик лейтенант Горинов Павел Григорьевич, 1921 года рождения, русский, в Красной Армии с 1940 года, член ВЛКСМ с 1940 года, участника ВОВ с 27 августа 1943 года. Имеет награды: Орден Красного Знамени (20 сентября 1944 г.) и Орден Отечественной Войны 1 степени (14 июля 1945 г.).

Штурман звена лейтенант Селезнев Валентин Ильич, 1923 года рождения, в Красной Армии с 1940 года, член ВКП/б/ с 1944 года, участника ВОВ с 27 августа 1943 года. Имеет награды: Орден Красного Знамени (20 сентября 1944 г.), Орден Отечественной Войны 1 степени (27 апреля 1945 г.) и медаль «За боевые Заслуги» (14 июля 1945 г.).

Стрелок-радист сержант Кармашев Павел Петрович, 1912 года рождения, русский, в Красной Армии с 1942 года, беспартийный, участника ВОВ с августа 1943 года. Представлен 10 июля 1944 года к ордену Отечественной Войны II степени, но награжден медалью «За Отвагу» (20 июля 1944 г.).

Воздушный стрелок старший сержант Прудников Василий Михайлович, 1919 года рождения, в Красной Армии с 1940 года, беспартийный, участник ВОВ с 22.06.1941г. по декабрь 1941 г. и с 27 августа 1943 года по 9 мая 1945 года. Награжден Орденом Красной Звезды (26 мая 1945 г.).

В последний период войны в экипаже Горинова вместо стрелка-радиста Кармашева летал стрелок-радист старшина Жилин Павел Федорович. Он принял участие в 10 боевых вылетах на фотографирование из 31 выполненных данным экипажем.

Ранее стрелок-радист старшина Жилин летал в экипаже старшего лейтенанта Осипова В.В.. Штурманом в этом экипаже был старший лейтенант Зуенко И.С., а воздушным стрелком младший сержант Петрушин Е.Н.

Несколько слов о боевой деятельности экипажа лейтенанта Горинова.

За период с 27 августа 1943 года по 9 мая 1945 года экипаж на бомбардирование и фотографирование военных объектов противника выполнил 88 боевых вылетов, из них 2 днем, остальные ночью.

В период с 27 августа 1943 года по 10 июля 1944 года на бомбардирование совершено 36 боевых вылетов ночью. Из них 17 вылетов на средние цели (ж.д. узлы - Двинск, Минск, Выборг, Борисов, Вильно, Полоцк и др. и по живой силе и технике противника - Клетное, Кобельки), и 19 вылетов по переднему краю обороны (Орша, Молодеч-

ное, Вильно и др. и по живой силе и технике противника в д. Пышное).

На боевом счету экипажа за этот период имеются: пожаров больших и средних размеров – 15, пожаров малых размеров – 5, взрывов большой силы – 3.

В период с 11 июля 1944 года по 9 мая 1945 года экипаж лейтенанта Горинова на бомбардирование и фотографирование военных объектов противника выполнил 52 боевых вылетов. «Особые успехи и заслуги экипаж показал в боевом фотографировании. Произвел 31 вылет на фотографирование, из которых 18 вылетов выполнено лично, 13 хорошо».

«22 раза подвергал бомбардированию и фотографированию «военно-промышленные объекты на собственной территории противника: Тильзит – 1 раз (14.10.1944 г.), Штеттин – 2 раза (21.02 и 6.03.1945 г.), Данциг – 4 раза (09,11,25 и 27.03.1945 г.), Кенигсберг – 2 раза (22.02 и днем 07.04.1945 г.), Берлин – 2 раза (25 и 26.04.1945 г.), Альт-Ландеберг – 1 раз (18.04.1945 г.), Фишгаузен – 1 раз (08.04.1945 г.), Науцвинкель – 1 раз (днем 08.04.1945 г.), порт Хель – 1 раз (09.04.1945 г.), Мюнхенберг – 1 раз (17.04.1945 г.), Берлин – 1 раз (21.04.1945 г.), Свиенюнде – 2 раза (27.04 и 01.05.1945 г.), порт Мемель – 3 раза (14.10, 20.12 и 20.12.1944 г.). Один боевой вылет совершил по переднему краю обороны противника на западном берегу реки Одер (16.04.1945г.). 16 раз подвергал бомбардированию ж.д. узлы порты и аэродромы противника на временно-оккупированной территории СССР – Таллинн, Рига, Салдус, Либава, Янвярти и др.

На боевом счету экипажа за этот период числится 10 взрывов большой силы и 22 пожара.

В ночь на 10.10.1944 г. экипаж выполнил задание на фотографирование порта Либава. Дополнительно взяли на борт 1000 кг фугасных бомб. Не смотря на массированный огонь 5-ти батарей зенитной артиллерии и активное противодействие ночных истребителей противника, лейтенант Горинов произвел 3 захода на цель. Умело и грамотно маневрируя в первом заходе точно поразил порт фугасными бомбами, а двумя последующими заходами отлично сфотографировал цель, чем подтвердил отличные результаты бомбардирование соединением и дал ценные разведданные.

В ночь на 20 декабря 1944 г. экипаж выполнял задание на фотографирование порта Мемель. На боевом курсе экипаж – фотограф был атакован двумя истребителями противника, лейтенант Горинов приказал радисту и стрелку открыть огонь и не допускать противника на близкое расстояние. Предупредив штурмана, хладнокровно выдержал за-

данную скорость, курс и высоту. Во время фотографирования экипаж вел воздушный бой, отразил 6 атак вражеских истребителей огнем бортовых пулеметов и, выполнив задание, ушел от их преследования. Задание на фотографирование было выполнено отлично.

В боях на подступах к Берлину и в самом Берлине выполнил 6 боевых вылетов на фотографирование. Кроме ФОТАБов всегда брал на борт по 1200 – 1500 кг. фугасных бомб. Все 6 боевых вылетов выполнил с оценкой отлично.

В декабре месяце 1944 года имел аварию самолета. Кроме этой аварии никаких летных происшествий за все время боевой работы по вине тов. Горинова не имел».

Несколько слов о технике самолета лейтенанта Горинова.

Младший техник старшина – техслужбы Данилин Павел Иванович, 1918 года рождения, русский, в Красной Армии с 1939 года, член ВКП/б/ с 1943 года, участник ВОВ с 13 октября 1941г. Награжден медалью «За Боевые Заслуги» (21 февраля 1944г.) и орденом Красной Звезды (5 июня 1945 г.).

«С октября 1941 года по 9 мая 1945 года Данилин П.И. в должности механика и техника самолета обслужил 274 боевых вылетов, из них в должности техника - 110 боевых вылетов, из которых 30 боевых вылетов приходится на фотографирование. Обслуживал боевые вылеты экипажей: лейтенанта Горинова, лейтенанта Александрова, майора Трехина, подполковника Родионова, капитана Весновского и майора Горбунова.

За период Отечественной войны заменил 12 моторов, полностью выработал моторесурс 4-х моторов, восстановил один самолет в составе тех.экипажа, отремонтировал текущим ремонтом 2 самолета. Случаев невыхода на боевые задания и возвратов за время боевой работы по вине тов. Данилина не было».

Ну и наконец, несколько слов о механике, принимавшего участие в подготовке боевых вылетов самолета Горинова и других экипажей.

Мутин Усман Гумерович, 1924 года рождения, татарин, в Красной Армии с августа 1941 года, член ВЛКСМ с 1940 года, участник ВОВ с 15 января 1943 года. Награжден медалью «За Боевые Заслуги» (7 октября 1944 г.), медалью «За Боевые Заслуги» (25 июня 1945 г.).

В первом случае награждения формулировка в приказе о награждении была такой: «за то, что он в Отечественную войну обслужил 182 самолетовылетов ночью без отказа материальной части самолета по его вине».

Во втором случае: «за то, что он всего обслужил 232 боевых выле-

тов и 150 учебных полетов. После последнего награждения обслужил 50 боевых вылетов, большинство из них по военным объектам на собственной территории противника не имея отказа матчасти по его вине. В составе тех.экипажа отремонтировал 2 самолета, снял и поставил 18 моторов. Материальную часть Ил-4 и М-88-б знает хорошо и эксплуатирует грамотно».

Об остальных участниках данных воспоминаний можем сказать однозначно – они достойно служили и каждый из них внес свой вклад в общую Победу. Об этом говорят документы.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ФОТОАЛЬБОМ

Мутины Г.Б. и О.А.

На конном дворе. Поляковка

Горинев Павел и Селезнев Валентин

Кармашов Павел

Прудников Василий

Данилин Павел

Мутин Валентин

Безуглов Николай, Анохин Петр,
Мутин Валентин, Давыдов Михаил,
Генин Яков.
Бяла-Подляска, 9 мая 1946 г.

У Знамени полка, 1950 г.

Первый справа Вереин Алексей, слева – Гусев Тимофей,
Безуглов Алексей, летчик, Баграмов Владимир, Мутин Валентин,
выше слева Матвеев Иван, Хрущев Василий (отдает честь).
Новозыбков, 1946–1950 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	4
------------------	---

Сорок первый

Сенокос. 22 июня	8
Уфа. Несостоявшийся фрезеровщик	10

Челябенская военная школа авиамехаников

Начало учеы	12
Первый наряд	14
Первые учебные стрельбы	16
Учебные будни	17
Экзамены	20
Стажирока	22

В действующую часть

На пути в Москву	26
Обед от генерала Федорова	28

42-й авиаполк ДД. На берегу Волги

Начало службы. Ночной пожар	30
О характере нашей службы	31
Жениьб лейтенанта Милавина	32
О характере нашей службы (продлжение)	34
Полведра гречневой каши	36
Шальной снаряд	38

108-й авиаполк ДД. Местечко Выдропужск

О характере нашей службы (продолжение)	40
Несостоявшийся обмен	41
Цыганский метод борьбы с облысением	42

108-й авиаполк ДД. Село Слизнево

О характере нашей службы (продолжение)	44
Прощальный караул в ненастную ночь	46
Как не стать дезертиром по глупости	47

108-й Рижский краснознаменный. Желудок

Тяжелые впечатления от местечка Желудок	51
Кирзовые саоги от генерала Федорова	52
Под бомбовым ударом	55
Цена человеческой беспечности	56

Польша. Мензыжец

Весна 45-го	59
Девятое мая сорок пятого	60
Непрошенные гости пана Поляка	63

Польша. Бяла-Подляска

Два выстрела в ночи	65
О совестливом и набожном пане	67
Наряд. Два часа строевой	70
Очередная посадка на брюхо	71

Новозыбков

О рабочих комбинезонах	75
Про воздушные учебные стрельбы	76
Гидроудар	77
Ох, Паша, Паша... ..	82
Кладбищенские страсти	83
Март 50-го. Демобилизация	85
Послесловие	89
Приложение. Фотоальбом	95

СЕРИЯ «ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ...»

Выпуск 1 (3)

Усман Гумерович Мутин

ЛИЧНАЯ ВОЙНА МЕХАНИКА ИЛ-4

Редактор Владимир Мутин
Корректор Мария Шевлякова
Вёрстка, дизайн обложки - Ирина Лыкова

Издательство «РОСА»
Российское общество современных авторов
309512, Белгородская обл.,
г. Старый Оскол, а/я 577,
e-mail: 885533@mail.ru [http:// art.oskol.info/](http://art.oskol.info/)

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная.

Бумага офсетная.

Гарнитура Candara. Усл. печ. л. 5,83.

Тираж 180 экз. Подписано в печать 23.03.2012 г.

Заказ №186.

Отпечатано в типографии «Квадрат».
309504, Белгородская обл., г. Старый Оскол,
пр-т Комсомольский, 73.